

Игорь Борисенко

Поход Армии Проклятых

Черная магия

Игорь Борисенко

Поход Армии Проклятых

2004

Борисенко И.

Поход Армии Проклятых / И. Борисенко — 2004 — (Черная магия)

Прошли годы – юноша Дальвиг превратился в циничного и внушающего страх Черного колдуна. Слава его идет по южным землям, а сам он уже подзабыл, зачем так рвался вступить в темную лигу – Теракет Таце. Но давний знакомый присылает весть, которая зовет в дальний поход, через горы и моря, обратно в те земли, где он родился. Для того, чтобы наконец осуществить мечту. Для того, чтобы отомстить белым волшебникам Империи Бога-Облака.

Содержание

У берегов моря	5
Грустный ночной разговор под луной	14
Глаза, не увидевшие опасности	19
Зов с севера	38
В разрушенном городе	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Игорь Борисенко

Поход Армии Проклятых

У берегов моря

– Если ты станешь и дальше ныть, не переставая, я превращу тебя в лягушку, Халаин. Или нет, ты по-прежнему сможешь докучать мне противным кваканьем... Послушай, Хак, у кого нет голоса?

– У червяка.

– Ага! Халаин, хочешь быть червем? – откинувшись на подушку, Сорген поглядел на собеседника из-под полуприкрытых век.

– И все же, пока мы здесь тянем время, Ануар там обучает все новых и новых солдат! – простонал тот. На Халаине была тонкая шелковая рубаша с разрезом на мускулистой груди, прозрачный белый шарф на шее и расшитый алыми узорами халат с длинными полами, но без рукавов. С кремового колпака на голове свисали длинные нити жемчуга, а шею под шарфом охватывала толстая золотая цепь с круглой печатью вместо подвески. Тонкие пальцы Халаина судорожно теребили поводья коня, который грациозно ступал по мостовой. Треугольное лицо всадника искажали муки страха.

– Ты будешь первым червяком на троне! – подбодрил его Сорген и коротко хохотнул. Халаин сжал свои напомаженные губы так сильно, что его густая, смазанная ароматическим маслом борода мелко задрожала. Однако он не решился отвечать колдуну и наконец замолчал. Сорген довольно кивнул и подсунул под голову еще одну подушку.

От камней мостовой вверх плыл дрожащий горячий воздух, отчего казалось, будто их процессия попала в призрачный город. За ровной шеренгой пирамидальных тополей колебались гладкие стены из белого камня, арки, прорезанные в них, и узоры, вылепленные вдоль верхней кромки фасадов. Стебли тянувшихся мимо окон, к крыше, зеленых выюнков превращались в ползущих мохнатых змей, а оконные стекла из драгоценного стекла стали поверхностями покрытых рябью луж.

Нищих и простолюдинов в этот район города не пускали – разве что по какому-нибудь важному поручению или по работе. Навстречу процессии то и дело попадались гордые, богато одетые молодые люди на холеных конях; тех, кто постарше, слуги везли в паланкинах, поражающих богатством своей отделки – но все они бледнели перед роскошью тканей, резьбы и подушек на паланкине Соргена. В кистях, свисающих с тентов, искрились крошечные бриллианты, от солнца, вышитого на покато́й крыше, исходило сияние настоящего золота. Каждая из двенадцати носильных ручек была сделана в виде рыбы, причем все они были разной «породы» и из разных сортов дерева. Мягкое покрытие ложа и подушки были набиты ценнейшим пухом королевских гагар, а самые умелые швеи государства вышили на них множество сцен из жизни моря: рыбаков с сетями, плывущий корабль, шторм у берега острова Наодима, и тому подобное... С этим великолепием мог соперничать только один богач – властелин здешней страны, князь Ирдел. По правде сказать, Сорген нагло захватил чужую собственность, ибо ехать на подушках должен был владелец, Халаин, который тоже был князем – правителем соседней страны под названием Сурахия. Сурахийский князь был вынужден выполнять прихоти и любые, самые вздорные желания Соргена: колдун обещал ему вернуть трон.

Пару лет назад двоюродный брат Халаина – Ануар – поднял мятеж и захватил трон Сурахии. Паланкин, два десятка коней, жалкие остатки гвардии и немного денег – вот все, что имел теперь опальный правитель. День за днем он строил планы возвращения своей собственности, но все они лопались, будто мыльные пузыри. Так продолжалось до тех пор, пока Халаин не

встретил Соргена, который любезно согласился работать за обещания. Он помогал изгнанному монарху захватить страну и казну – из нее-то потом и получал награду. Пока же Сорген с удовольствием катался в паланкине и рассматривал заносчивые и недовольные рожи встречаемых вельмож.

Впереди послышался людской гомон. Западная Аллея кончилась, и впереди лежал торговый район, суматошный, беспокойный и грязный. За цепью постовых в белых одеждах и серебристых шлемах тополя кончались, а улица резко сужалась. Здания стали тускло-серыми коробками из двух или трех этажей, причем почти каждое из них одновременно служило магазином, складом и жилищем для купцов. На нижних этажах зияли темные ниши, открытые или занавешенные легкими газовыми занавесями. Каждая чем-то походила на пещеру чудес, набитую разными товарами. Рядом метались потные продавцы, призывающие покупателей, у стен сидели под зонтиками, с чашками освежающих напитков здоровенные охранники. Число их было тем большим, чем богаче и больше был охраняемый магазин...

В толпе сновали навязчивые лоточники, нищие, проститутки и воры. Редкие приезжие с бегающими по сторонам глазами и настороженными лицами судорожно держались за свои мешки и кошельки. Оль-Заль, личный телохранитель князя, вместе с двумя помощниками выехал вперед, чтобы рассекать толпу. Следом профессиональные носильщики, могучие мужчины с голыми торсами, в коротких облегающих штанах и мягких кожаных сандалиях волокли паланкин. Халаин и его государственный советник Нишах ехали следом за носильщиками, а замыкали процессию Хак и Гримал, капитан отряда наемников, с тремя выючными конями в поводу. Люди из толпы, вынужденные уступать дорогу процессии, провожали ее громкими, но лишенными особой злости выкриками. Лоточники и шлюхи, отталкивая друг друга, наоборот, стремились подобраться ближе.

За торговой улицей лежала площадь, где толпа стала немного реже. Посередине плескался фонтан с мраморными бортиками, растрескавшимися и облупившимися от времени. Из большого позолоченного шара били в разные стороны мутные вялые струи. Рядом с фонтаном, под грубыми полотняными тентами стояли многочисленные скамьи, на которых сидели люди среднего достатка – купцы, мелкие землевладельцы, ростовщики и богатые ремесленники. Размахивая руками и корча гримасы, они обсуждали собственные дела, а может, просто сплетничали. От прочего люда, победнее, их отделял бордюр высотой по колено взрослому мужчине, с натянутыми поверху цепями.

– А у тебя был фонтан, Халаин? – спросил Сорген, разглядывая площадь.

– Нет, – мрачно ответил тот. – У меня на площади стояло огромное Царское Дерево с густой тенью.

– Тоже огороженное забором?

– Конечно! Неужели можно допускать к главной городской достопримечательности всяких голодранцев? Пхе!

– Неудивительно, что они поддержали бунт. Может, твой брат пообещал, что станет пускать охладиться в тени дерева любого желающего?

– О, какие ужасные вещи ты говоришь! – Халаин схватился за голову. – Хотя, конечно, от этого негодяя всякого можно ожидать... Я снова заклинаю тебя, Сорген: давай поспешим!

– Я устал, – капризно заявил колдун. – Вон та гостиница, она хорошая? Ты там бывал?

– Да, – обреченно пробормотал князь. – За эти два года я перебивал чуть ли не во всех гостиницах на восточном побережье.

Сорген радостно хлопнул в ладоши и спрыгнул на землю. Одернув полы кафтана, он быстрым и легким шагом пошел в сторону дверей с золотыми лебедями на створках. Насупленные носильщики провожали его неодобрительными взглядами.

Своей одеждой колдун походил, скорее, на какого-то бродягу – в тряпичных тапочках на босу ногу, в мятых шароварах с облупленным поясом, на котором висело великое множе-

ство всяческих мешочков, кошельков, коробочек... Полурасстегнутая узкая безрукавка поверх кафтана пугала окружающих засаленными до черноты лапами, а кисти на тюрбане были грязными и потрепанными. Разве что руки с гладкими ладонями и холеными ногтями, да еще ухоженные длинные волосы выдавали в колдуне состоятельного человека. А еще – неудобный, громоздкий меч в деревянных ножнах, которые почти скребли концом по мостовой.

– Ты как хочешь, Халаин, – крикнул Сорген, обернувшись на полпути к дверям гостиницы. – ... а я здесь останюсь и отдохну хотя бы до утра. Ты же можешь забрать себе паланкин и кататься на нем хоть до пролежней.

Гостиницу, к которой направился Сорген, окружало не менее десятка подобных заведений. Однако, нигде больше не было садика на крыше, да и привратники у других дверей были одеты хуже.

В просторном приемном зале все стены были завешаны одним панорамным гобеленом, с названием, таким же громоздким, как само полотно – "Битва князя Инлама ранним утром в прибрежных дюнах с выходящими из глубин морскими демонами". Кого-то эта картина могла впечатлить – но Сорген знал, что перед ним только копия, ибо видел в Нардане оригинал. Кроме того, здесь из-за недостатка места вырубili весь арьергард армии Инлама и изумительный вид морской глади за спинами толпы демонов.

Тем не менее, наличие столь выдающегося гобелена многое говорило об уровне гостиницы. Владелец, до того пивший сидр на узкой софе, при виде Соргена немедленно вскочил и отдал кубок слуге. Степенно отерев с усов и бороды клочья пены, хозяин молча закатил глаза к потолку и сложил руки на груди в знак приветствия. Сорген коротко кивнул в ответ и получил приглашение подойти к низкому столику с ножками в виде осьминогов. На нем лежал бумажный рулон и костяное перо, а чернильница была вделана в столешницу. Чтобы воспользоваться письменными принадлежностями, хозяину пришлось опуститься на корточки. Развернув рулон, он придавил края бумаги бронзовыми корабликами и, прокашлявшись, спросил:

– Итак, милостивый господин, если вы желаете остановиться в нашем скромном пристанище – назовите свое имя и название родного города! Если это для вас затруднительно, можете воспользоваться любым псевдонимом.

– Меня зовут Сорген из Энгоарда, – важно ответил гость. Кивнув, хозяин быстро записал услышанное и снова поднял лицо.

– Умеете писать? Поставьте роспись. Если нет – то крест.

– К чему все эти сложности? – подивился Сорген, чиркая пером по бумаге.

– Приказ его высочества, князя Ирдела, – пожал плечами хозяин.

– Ну да мне все равно, – отмахнулся Сорген. – Мне нужна большая комната, в которой будет место для двух слуг, прохладная, с лучшим обслуживанием.

– Наше обслуживание необычайно прекрасное, причем для всех гостей! – с мягким нажимом сказал хозяин. – Среди моих служащих есть даже волшебники... Но... Скажем так: плата соответствует уровню услуг.

Сорген небрежно развязал кошелек и выгреб горсть самых разнообразных по форме и размеру золотых монет.

– Берите, какие вам понравятся...

– Предпочитаю местную чеканку, – мягко сказал хозяин, бросая на лицо колдуна быстрый взгляд. Легкими прикосновениями пальцев он разгреб кучу золотых, выбирая монеты с профилем князя Ирдела. – Три в день. Сколь долго вы собираетесь гостить у нас?

– Пока до утра, а там посмотрим, – все так же небрежно Сорген смел монеты обратно в мешок и вернул его на пояс. – Где моя комната?

– Сейчас слуги подготовят ее. Поднимайтесь на третий этаж, и рядом с лестницей будет дверь зеленого цвета. Это – ваша комната!

– Разместите моих коней, принесите вещи и направьте вверх моих слуг! – распорядился Сорген. Хозяин поклонился с загадочной улыбкой:

– Будет сделано!

На обустройство новых апартаментов у них ушло меньше получаса. Покои состояли из спальни за полупрозрачными ширмами, обеденной с коврами, подушками и низким столом, уборной с каменной ванной и зеркалом, двух каморок для слуг и комнаты для приема гостей с неизменными гобеленами на стенах. Гримал немедленно отправился в свой закуток и рухнул на кровать: ночью ему предстояло ехать за город, чтобы проследить, как устроился отряд из тридцати пяти отборных головорезов. Сорген тем временем принял прохладную ванну и сменил одежду на просторный халат из чистого хлопка.

– Хак! – позвал он, выходя из уборной. Слуга немедленно возник из-за угла, со всегдашним глупым выражением на круглом лице. – Грязное белье нужно постирать, а тюрбан как следует почистить. Только не делай этого сам: позови горничных и дай им пару мелких монеток.

Коротко кивнув, слуга исчез. Сорген вернулся обратно и сел на табурет около зеркала. Деревянным гребнем, принадлежавшим гостинице, он расчесал волосы и смазал их экстрактом целебных трав. В этом непривычно жарком и влажном климате, с неизменными испарениями от моря кожа и волосы требовали особого ухода. Иногда Сорген с содроганием думал, что похож в своей тяге к красоте на тех мужчин, что скупаемы противоестественным стремлением к другим мужчинам. Впрочем, чувство было мимолетным и не имело под собой никаких реальных оснований...

Разглядывая себя в зеркале, Сорген ощупывал пальцами щеки, губы и лоб. Черты остались прежними, совсем такими, какими они были лет десять назад. Быть может, только эта строгая складка над переносицей появилась не очень давно... Или жесткий стальной блеск в глазах? Люди, знавшие его прежде, могли бы сказать – ты совсем не изменился. И ошиблись бы! Что значит лицо? Не больше, чем маска, за которой прячется истинный человек, его внутренний мир, характер, устремления, надежды и тайные помыслы. У кого-то лицо отражает все то, что содержится внутри – но другие умеют искусно скрывать свою натуру под личиной. Сорген не пытался таить своих мыслей, однако это выходило у него само собой. На протяжении многих лет он не менялся, оставаясь молодым, почти юным и не по годам суровым человеком. Узкое лицо с постоянно напряженными мышцами – прищуренные глаза, легкая, блуждающая усмешка на краешке тонких губ, трепещущие ноздри. Пожалуй, кожа немного обветрилась и посмуглела, но стоит вернуться на север, и она станет такой же, как раньше.

Он остался прежним худощавым юношей для тех, кто смотрел невнимательно и недолго. Под внешней угловатостью фигуры теперь таились мускулы, которыми Сорген старался не хвастать. Он ходил, нарочно опустив и сведя плечи, чтобы никто не видел, как они широки. Он прятал тело в одежды, скрывавшие силу и сбивавшие людей с толку.

Чего он никогда и нигде не скрывал, так это своего гордого и строптивного нрава. Повинуясь собственному имени, данному когда-то старым черным колдуном, Сорген стал уверенным и расчетливым человеком. Он знал, что за сила таится в глубинах сознания – колдовская ли, умственная, сила характера, и никому не хотел уступать. Мир отныне вертелся только для него, и чтобы этот порядок вещей поддержать, Сорген был готов на все. Он жил во имя Необходимости – собственной необходимости, как завещано в уставе Теракет Таце, Черной Лиги, сообщества черных колдунов. На его пути не было места жалости, состраданию и благотворительности. Только он, Сорген, правил миром, в котором жил.

Долгие пять лет, проведенных им после того, как он в последний момент избежал смерти на руинах родного замка Беорн, перековали мальчишку, вспыхивающего, как факел, яростным огнем чувств и так же скоро потухающего, в опытного и умелого политика. Неважно, в чем заключалась эта политика – обмануть сильного мира сего себе в угоду или добыть пропитания

в жалкой деревеньке на бескрайних болотах. Там и там Сорген чувствовал себя, как рыба в воде. Он был уверен в своих силах и знал, как и чего должен добиться.

На родине, в далекой империи Энгоард глупый мальчишка Дальвиг ввязался в бессмысленную и обреченную на поражение войну с могущественными врагами. Во что бы то ни стало, он хотел отомстить за смерть родителей и сестры, шел напролом и почти что сгубил себя... Разум, главное оружие, которым при правильном использовании можно разить наверняка, не дал ему погибнуть. Отступив в схватке, выиграть которую не было никакой возможности, он в первый раз поступил мудро, а не как-то еще. Сохранил жизнь, чтобы иметь возможность вернуться обратно в более благоприятный момент.

С тех пор прошло пять лет. Его магическая мощь росла с каждым годом, а слава растекалась по стране, внушая страх одним и осторожную радость другим. Сначала он метался, пытаясь найти путь обратно, чтобы снова и снова идти в бой с убийцами отца, но потом, постепенно, пылающий костер чувств потух. Теперь от него остались одни уголья, которые Сорген лишь иногда, без всякой страсти и желания ворошил воспоминаниями. Энгоард, родной замок, давняя месть ныне стали частью какой-то другой жизни, сказки, рассказанной после хорошей кружки вина и потому размытой, неясной, наполовину невероятной. Сердце Соргена больше не рвалось на север, а душа... души у него, кажется, не было.

Много испытаний он прошел за эти годы, проведенные на чужбине. Самым первым стало горькое разочарование в любви, которую он питал к Хейле, черной волшебнице из Зэманэхе. Она спасла ему жизнь в лесах северной Белоранны, она научила его искусству плотских утех, а потом предала. В тот самый момент, когда ее юный любовник дрался не на жизнь, а на смерть за свой замок, Хейла была с другим мужчиной. Из-за этого она не хотела вытащить Соргена из-под носа врагов, сжимавших кольцо, и он чуть было не погиб. В последний момент Хейла все же позвала его, открыв ворота сквозь иные миры... Обнаружив рядом с ней, на постели, соперника, Сорген ничего не сказал. Он не имел права ревновать, ведь она никогда не клялась ему в верности, не становилась его женой. Однако Хейлу это положение привело в ярость: может быть, ее грызло чувство вины, усугубленное покорностью и молчаливостью Соргена? Она кричала на него, плакала и проклинала, называла глупым мальчишкой, самоуверенным дураком и десятком других, более обидных прозвищ. Все так же молча Сорген повернулся и покинул ее дворец по темному мосту, двигаясь к черным зубцам гор на севере, точно так, как это ему пригрезилось раньше. Верный слуга Хак и два коня ждали его в Зэманэхе, отправленные туда загодя. Ничего больше не держало около Хейлы, и он вырвал ее из своего сердца.

Один, в чужой стране с природой, с особенным остервенением не принимавшей пришельцев. Это было суровое испытание, после которого либо сходят с ума, либо умирают, либо становятся крепче камня. Уйдя далеко на запад, вдоль берега моря, Сорген очутился в бескрайних Лиомайских болотах, где ему пришлось сражаться с полчищами змей. Он победил всех, начиная от крошечных тварей толщиной в палец, кончая устрашающими чудовищами, похожими на ожившие бревна, а потом сразил их повелителя, Человека-Змея Гэдбахуна. Война отняла у Соргена много сил: то, что не удалось чудовищам, едва не сделала коварная болезнь. Но верный Хак, с помощью жителей болот, благодарных за избавление от Гэдбахуна, смог доставить умиравшего хозяина к отшельнику Сё-Бауну. Старик выходил Соргена, и тот продолжил скитания. После долгих дней пути они покинули опостылевшие болота, углубившись в сухие пустыни далекого юга. Среди серых холмов и воющего ветра им встретился путник, назвавший себя Черным Странником. Это был старый и опытный колдун, оказавшийся для Соргена хорошим наставником. Три года они скитались вместе – Черный Странник Рабель, Сорген и Хак. Вся мудрость старого мага постепенно перетекла в молодого, впитавшего ее, как губка впитывает воду. Настало время, когда имя «Сорген» стало известно всему югу.

Это случилось в Йиказе, мрачном месте, зовущемся долиной Сырых туманов. Два волшебника, Скупердьяй Зелоба и Турой-Зидара, жившие на разных концах Йиказы, вступили в

схватку друг с другом. По велению жестокого случая каждый колдун был уверен, что другой призвал Рабеля себе на помощь, и два дня подряд сумасшедшие колдуны обрушивали на трех путников всю свою мощь. Когда битвы закончились, долина была завалена телами людей и чудовищ; оба забияки были сражены, а их жилища превратились в груды камней.

Увы, но Рабель пал в том сражении.

Сейчас, по прошествии года с того памятного дня, Сорген путешествовал один, с хорошей репутацией в кармане. К нему за помощью обращались те, кому досаждали чудовища, силы природы или же соседи. Сорген дорого просил, но за работу брался быстро и безжалостно. В короткий срок он стал еще более знаменит.

Здесь, в гостинице, сидя перед зеркалом, он неспешно размышлял о годах, прожитых на юге. Не в первый раз он думал: а может быть, жизнь все-таки покинула его там, в зловонных болотах Лиомайя? Или еще раньше... Отчего-то он жалел, что больше не горит желаниями, не срывается с места, повинуюсь внезапным порывам. Он грустил по своей мести, тихо умершей с течением лет. Все, что он делал сейчас, представлялось сиюминутным, ненужным, неважным и глупым. Равнодушие прочно и надолго воцарилось в разуме и повелевало всем остальным. Бороться с ним он не имел ни желания, ни возможностей.

В глазах, смотревших на него из зеркала, не было никакого выражения – совсем как у той мертвой головы, что лежала в одной из его сумок...

Из комнаты донеслись звуки поспешных шагов. Вернувшийся Хак прервал воспоминания, в волнах которых плыл его хозяин. Отбросив все иные мысли, кроме заботы о чистоте собственного подбородка, Сорген потер его длинной ладонью.

– Хак, дружище! – закричал он. – Топаи сюда. Мне пора побриться.

Покончив с туалетом, Сорген улегся в кровать. Рядом на столике стояла ваза с фруктами, которые он поочередно надкусил с выражением необоримой скуки на лице. За окном из трех стрельчатых сегментов бушевало яркое солнце, но внутри покоев волшебным образом сохранилась приятная прохлада. Отбросив недоеденный персик, Сорген смежил веки. Давненько он не отдыхал в таком приятном и тихом месте! Больше недели они с Халаином тащились по дороге из Фойзила в Сурахию. Города здесь попадались редко, все больше жуткие грязные деревни, состоящие из тесно прилепившихся друг к другу глинобитных халуп. Много часов Сорген провел в душных и тесных палатках, а от жары и комаров спасался только волшебством. Впрочем, всякий раз, когда рядом оказывался нытик Халаин, Сорген мужественно отказывался от магии и терпел лишения, к которым сам был привычен. Он был готов отдать комарам полстакана крови, лишь бы полюбоваться на мучения изнеженного князька. С каждым новым днем Халаин все громче стенал об утерянных сокровищах, которые почему зря тратит наглый узурпатор. Он плакал о ласковых наложницах, которые улаживают взор злодея, вздыхал по вкусной пище, которой тот набивает чрево в то время, когда настоящему государю придется питаться жестким подгоревшим мясом с костров. Внутренне Сорген презирал князя и не очень старался это скрывать. Иногда он задумывался о том, какие чувства питает к нему в ответ Халаин, и приходил к выводу, что вряд ли это симпатия.

Сейчас, в мягкой постели, мысли вернулись к этой проблеме. Да, встрять в спор этих двух мелких тиранов, грызущих друг друга за клочок возделанной земли и толпу бессловесных крестьян – дело не простое... но зато интересное. Худо-бедно это развлечет его на какое-то время.

С такими размышлениями Сорген едва не заснул – однако, звук входной колотушки безжалостно развеял пелену дремоты. Молодой маг лениво приоткрыл глаза и увидел у кровати Хака, стоящего безмолвно, как призрак.

– Пусть войдут, – ответил он его вопрошающему взгляду. – Надеюсь, это нечто важное?

В комнату, осторожно ступая мягкими туфлями по шлифованным плитам около порога, пробрался коридорный. На ковер он зайти не решился: оставшись рядом с дверью, гостиничный служака глубоко поклонился и явил широко раскрытые глаза.

– О, достойный гость и уважаемый господин! К вам... – он едва не поперхнулся, но смог справиться со страхом. – К вам явился благородный рыцарь Белгман, княжеский советник! Он просит позволения войти!

Ужас в глазах коридорного говорил сам за себя: он никак не мог понять, кто же такой поселился в их гостинице, если сам главный наушник Ирдела спрашивает разрешения поговорить?

– Ну, пускай заходит, – милостиво разрешил Сорген, вдоволь налюбовавшись на трясущиеся губы слуги. Интересно, как бы он себя повел, если б получил отказ? Выбросился бы из окна? Коридорный, уже начавший покрываться красными пятнами, радостно кивнул и убежал.

Белгман вошел и застыл у двери для церемониального приветствия. Приседая на одной ноге, он далеко отставлял другую, а руками разводил по сторонам, словно изображал птицу. Выглядело это чрезвычайно глупо, особенно вкупе с немисливо серьезным выражением лица советника.

– Да будет солнце над вашей головой, да прольется животворный дождь, да будет плодородной земля под вашими ногами! – провозгласил Белгман. Сорген кисло улыбнулся в ответ, как бы говоря, что ничего такого ему вовсе и не надо. Разглядывая посланника Ирдела, он поражался несурзости его костюма: вся фигура Белгмана клубилась пышными складками тонких тканей. Зеленоватый одмант, подобие кафтана со стоячим воротником, трубчатыми рукавами и множеством бесполезных украшений, вроде аксельбантов, рюшек, кружев и замысловатых узорчатых накладок. Через вырез на груди видна белая сорочка с жемчужными пуговицами и неременный газовый шарф, розовый с белой вышивкой. Ноги, одетые в облегающие желтые штаны, казались слишком тонкими и кривыми, а сапоги с загнутыми голенищами будто бы сползли и сморщились. На самом деле сложенный гармошкой сапог считался здесь изящным шиком – чем больше человеку удавалось сделать складок на сапоге, тем изысканнее считался его внешний вид.

Сняв обшитую парчой шляпу с высокой жесткой тульей, Белгман блеснул многочисленными перстнями. Прижав свободную руку к груди, где у него висел золотой медальон в виде солнца, с серебряной чайкой на его фоне, советник откашлялся. Нахмурившись, Сорген взгляделся в лицо с тонкими, почти женскими чертами, неременной маленькой бородкой и пронзительными черными глазами. Что это за человек? С виду его можно принять за изнеженного и недалекого сноба, однако внешность бывает обманчивой. Хитрые политики любят пустить пыль в глаза, чтобы под прикрытием неверного впечатления ловко обстригать свои делишки. А этот запросто может оказаться подобным типом. Не решив еще, как себя следует вести, Сорген осторожно привстал с кровати и легко поклонился.

– Равным образом желаю тебе всех тех благ, что ты был любезен пожелать мне! – ответил молодой маг, стараясь увидеть отражение каких-то мыслей на лице советника. Но тот лишь отрешенно улыбнулся. – Проходи и садись! Отведай фруктов... если найдешь нетронутые.

Ловко сняв сапоги, Белгман скольльзящим шагом пересек комнату, сложил друг на друга пару подушек у стены и степенно опустился на них. Судя по вкрадчивым, но расчетливым жестам – хитрец и умник, что бы там не кричали его рюши и кружева, – подумал Сорген. Вслух же он сказал:

– Что могло заставить государственного мужа оторваться от важных дел и нанести визит сюда, скромному путешественнику?

– Я ценю вашу скромность, но не могу ее принять! – сокрушенно сказал Белгман. Голос у него был подстать движениям – такой же вкрадчивый и полный скрытой силы. – С известностью вашего имени давно никто не спорит. Такие знаменитые маги нечасто прибывают в наш

маленький город, поэтому их визиты – всегда событие. Кроме прочего, я принес вам извинения Ирдела – вот князь на самом деле занят неотложными делами и не мог прибыть сам. Он приглашает вас в гости и предлагает поселиться у него во дворце.

Сорген внимательно посмотрел прямо в глаза советника: тот выдержал взгляд, не моргнув и даже не пошевелившись.

– Спасибо за приглашение... но с ним можно было послать и мальчишку-пажа! Отчего такой важный человек, как ты, отправился через весь город по такой жаре?

– О, вы преувеличиваете! Мы с детства привычны к нашему солнцу и даже любим его. Мне не в тягость было это маленькое путешествие, и я хотел лично посмотреть на одного из самых молодых и способных магов в мире!

– Что тебе нужно? – прямо и несколько грубо спросил Сорген, не желая выслушивать льстивых и пустых слов. Белгман быстро мигнул и натянуто улыбнулся. Оглаживая одну руку другой, он осторожно осмотрелся по сторонам. Сорген усмехнулся. Взяв из шкафчика с одеждой свой пояс, он вынул из кармашка кольцо с желтым топазом. Две переплетшиеся телами змеи сжимали его в раскрытых пастьях. Бросив кольцо Белгману, маг негромко посоветовал одеть украшение – если найдется свободный палец. Снова натянуто улыбнувшись, княжеский посыльный надел перстень и вопросительно уставился на Соргена.

– Если я правильно понял, ты боялся, что нас подслушают? – спросил тот. Белгман только молча развел руками. – Теперь ничего не страшись! Я говорю на энгоардском языке, которого здесь не знают. Кольцо будет переводить твои слова, и наш разговор не поймут, даже если он кому-то интересен.

– Я боюсь быть превратно понятым, – с опаской начал Белгман. – Может быть, столь выдающийся человек, как вы...

– Брось и переходи к делу! – воскликнул Сорген, произнося слова полузабытого родного языка с грустью и радостью одновременно. – Если угодно, ты оторвал меня от отдыха, и коли это потребовалось для пустой болтовни, клянусь, я выгоню тебя взашей!

Советник вздрогнул и прижался спиной к стене. На мгновение Сорген подумал было, что он на самом деле зашел с дурацким визитом вежливости, но тут Белгман взял себя в руки и наклонился вперед. Придав лицу сосредоточенное и загадочное выражение, он выпалил:

– Как пожелаете, мой господин! Я действительно пришел не просто так: наш правитель, князь Ирдел, очень обеспокоен! Он ни в коем случае не хотел бы обидеть вас, но все же просил узнать... гм... Халаин неспроста везет вас в своем паланкине и говорит с вами, словно наказанный слуга. Быть может, он замыслил захватить трон Вейдзала? В таком случае князь немедленно предлагает вдвое больше. Сейчас, не откладывая выплат! Халаин не может вам заплатить вперед, а потом он обязательно обманет... У них в роду все были низкими лжецами и подлецами!

Сорген наклонился, опираясь ладонью о ворс ковра. Он склонил голову и некоторое время медленно, будто бы оценивая, наблюдал за Белгманом. На лице советника последовательно сменились выражения подобострастия, ожидания и отчаяния.

– Если я скажу, что подобные замыслы далеки от наших истинных устремлений, как ты догадаешься, правда ли это? Быть может, я скажу одно, а сделаю наоборот? Так даже предпочтительнее, ибо мне легче будет справиться с вами, думающими, что страшное позади...

– О, Великий! Неужели... – прошептал Белгман, снова прижимаясь спиной к стене. Сорген тихо рассмеялся.

– Тут необязательно быть великим, совсем необязательно. Самым лучшим выходом для вас было бы просто убить меня, на всякий случай, чтобы не осталось никаких сомнений. Но вы боитесь и не уверены в своих силах. Правильно? Я бы сам думал точно так же, дружок.

– Нет, что вы! – с жаром начал советник, сверкая глазами.

– Значит, я ошибся? – лукаво ухмыльнулся Сорген.

– Да, конечно! Ничего подобного не было и никогда не будет в мыслях Пресветлого князя и его советников! Мы – не убийцы, мы – не подлецы.

– Ну что ж, – вздохнул Сорген. – С кем не бывает... Ты простишь мне мое заблуждение?

– Я простил его еще до того, как услышал! – признался Белгман, вдавливая в грудь свой медальон. – Ничего, кроме выражения опасения и заверения в дружбе! Я пришел только с этим.

– Прекрасно. Тогда можно надеяться, что наши отношения будут удовлетворять обе стороны.

– Я непрестанно молюсь Наодиму, чтобы это было так. Моя цветущая страна и просвещенный государь находятся в таком хрупком равновесии, и ничего не стоит его нарушить, сломать, растоптать!

– Уверяю тебя, что не собирался ничего топтать. Я подрядился вернуть Халаину его трон, больше ничего. Нам надоело плестись пыльными дорогами, ночевать в палатках и глотать кости, поэтому я решил завернуть в вашу гостеприимную столицу. Завтра утром мы двинемся на Сурахию. Через день, или два, между Кензорскими рощами и кукурузными полями состоится битва.

– Вы можете видеть будущее? – восхищенно прошептал Белгман. – То будет ваша победа?

– Я вижу много крови, – криво улыбнулся Сорген. – На этих лугах вырастет большая трава.

– Пусть удача ласкает вас! – прошептал советник и ловко поднялся на ноги.

– Спасибо.

– Берегитесь Халаина, Великий! Многие государи Приморья славятся своим коварством, но никто не сравнится в нем с князьями Сурахии. Она славна кознями при дворе и многочисленными смертями, загадочными и страшными.

Сорген вяло отмахнулся от этого предупреждения.

– А, Халаин! Да наступай он в конское дерьмо на каждом шагу... Я знаю, уже сейчас он придумывает мне казни помучительнее, которыми непременно «наградит» после взятия Сурахии. Я буду к этому готов.

– Тогда прощайте с миром! Вечером придут подарки от моего государя.

– О, подарки! Это я люблю. Прощай и ты.

Белгман с поклоном отдал перстень и заскользил прочь. Из-за двери, повинувшись его короткому приказу, выскочил слуга, странно смахивающий на переодетого воина, и принялся помогать советнику надевать сапоги. Сорген смотрел на них невидящим взором, раздумывая о том, что значил для него этот разговор. Вряд ли Белгман убежден, что правильно разгадал намерения колдуна. Вряд ли он уверен, что подарки смогут задобрить волшебника и заставить отказаться от зловещих планов, буде такие имеются... В конце концов, он может считать, что после взятия Сурахии Сорген и Халаин пройдут огнем и мечом по побережью, захватывая подряд все княжества! В любом случае, нужно быть готовым к визиту убийц и иным неприятностям.

В очередной раз к молодому колдуну пришли мысли о своеобразии человеческих натур в этой стране. Его первоначальное впечатление о Белгмане оказалось неверным. Никакой это не хитрый и жестокий политик... Так, очередной трусишка, разом покрывшийся испариной, когда дело пошло не так, как он планировал. В точности как Халаин: Сорген был уверен, что раньше князь Сурахии был надменным тираном, считал себя таким единственным солнцем в небе мира. Стоило прийти трудным временам – он превратился в жалкого нытика, на которого противно смотреть. Да, этому народу очень недостает твердости в характере.

Грустный ночной разговор под луной

Широкий светлый коридор, куда выходила дверь из апартаментов Соргена, оканчивался с одной стороны глухой стеной с украшением в виде мозаичного змея, а с другой – сдвижной стеклянной дверью. Она вела на трапезиевидную площадку просторной винтовой лестницы с нефритовыми перилами (в Приморье нефрит ценился не больше мрамора). Пройдя по ступеням три полных круга, Сорген очутился на крыше. Оттуда, где кончалась лестница, расходились две узкие кипарисовые аллеи, огибавшие бассейн с ярко-лазоревого водой. На противоположной стороне крыши аллеи снова сходились около другой винтовой лестницы.

В сторону от бассейна отходили крошечные тупички, засыпанные мелким гравием площадки с клумбами, под легкими парусиновыми тентами. Густые кроны кипарисов создавали глубокие тени, придавая тупичкам вид очень укромных местечек, как нельзя лучше подходящих для тайных свиданий.

Впрочем, Сорген оказался здесь один-одинешенек и секретничать ни с кем не собирался. Это его вполне устраивало; очень медленно, он брел мимо трепещущих на легком ветру хвойных веток. Темно-розовое, низко висящее солнце стремилось заглянуть в редкие просветы между кронами откуда-то слева. Небо приобрело густой сине-зеленый оттенок, а высокие крыши соседних зданий стали красно-золотыми, словно облитыми золотом.

Вейдзал устраивал вечернее чаепитие – непривычная тишина прерывалась лишь случайными звуками, вроде лая бродячей шавки или вопля упрямого осла. Сорген отлично слышал, как в сотне шагов от него вздыхает морской прилив, с шуршанием облизывающий песок городского пляжа. Через некоторое время возникли звуки быстрой торжественной музыки и нестройное пение. Манеру исполнения здешних музыкантов можно было назвать браваурной: всякая грусть или строгость была им чужда. Скрипка пиликала развязано, труба переливчато охала и ахала, а бубны залихватски позвякивали. С противоположного конца крыши появилась толпа пестро одетых людей, приплясывая, направившихся в сторону моленной площадки – тоже укрытой за густой хвоей кипарисов. Вытянув шею от любопытства, Сорген разглядел ее в вечернем полумраке: похожий на гигантскую ракушку павильон, открытый в сторону моря. Постояльцы гостиницы, числом около двух десятков, намеревались совершить Вечерний обряд Наодима. Этот персонаж считался в Приморье, да и во многих остальных областях вокруг моря с его именем, главным божеством. Белого Бога-Облака здесь не признавали – как, впрочем, и Старцев с Теракет Таце. Здесь, на краю сухих степей под названием Соркатэхх береговая линия шириной сто люмилиов от моря казалась людям даром бога, не иначе. Легенда гласила, что Наодим, веселый гигант, шел по пустой степи и был поражен ее сухостью и безжизненностью. Крепко задумавшись, он провозгласил:

– Желая видеть здесь жизнь, чтобы не пропадала эта обширная земля!

С этими словами он вынул свой молот и как следует ударил им по растрескавшейся почве. Получилась вмятина, а сдвинувшаяся на север земля образовала Южный хребет Барьерных гор. Наодиму оставалось только найти воду; не долго думая, он развязал ремень и наполнил новоявленное море своей «жидкостью». Дослушав до этого места в первый раз, Сорген был поражен подобным поворотом фантазии неизвестных сказителей. Местных жителей это нисколько не смущало, будь то изысканные кавалеры, томные дамы или грязные золотари. Еще бы: Бога не судят по обычной мерке! Все, сделанное им, однозначное благо. И нельзя сравнивать божественные поступки с поведением людей. Попробуй Сорген помочиться в море, ему пришлось бы плохо.

Естественно, Бог-гигант не ограничился собственно созданием моря. Он привел сюда людей, выдал им заповеди, научил жить и завел уклад, который надлежало поддерживать. Одни работают, другие воюют, третьи правят – так, как это всегда бывает, когда имеешь дело с боже-

ством. Четкие рамки, заботливо охраняемые теми, кому положение вещей выгодно больше всех, и покорно соблюдаемые остальными. Приказы, повеления, жесткие традиции, которые нельзя было нарушать. Все это так напоминало истории, которые любила рассказывать Ханале. Положение вещей почти как в далеком Энгоарде – только страна поменьше, и бог, соответственно, попроще.

Размышляя о религии, Сорген описал полный круг вдоль бортов бассейна. С моря дул легкий теплый ветер. Протиснувшись сквозь заросли молодых ветвей, Сорген подошел к парапету, который ограждал крышу, и поглядел на темную морскую воду. Дорожка темного золота переливалась на его поверхности по направлению от садящегося солнца к берегу. Справа насколько хватало глаз, расползалась мешанина самых разных по цвету и высоте крыш. Сумрачное марево наступающей темноты поглощало их, выползая на морской берег с востока, подобно облаку коричневой пыли.

От павильона, оставшегося за спиной, слышались негромкие голоса и шуршащие шаги – кажется, они приближались. Очевидно, молитвы кончились, и постояльцы решили прогуляться на свежем воздухе, прежде чем отправится в свои покои. Сорген осторожно выбрался из зарослей на краю крыши, чтобы пойти к лестнице, и тут же столкнулся с девушкой в черно-желтом платье с короткими рукавами и узким вырезом на груди.

– Ой! – воскликнула она. – Что вы здесь делаете?!

Сорген, нисколько не растерявшись, отошел на шаг и галантно раскланялся:

– В мыслях не имел пугать вас, прелестная незнакомка! Прошу простить, если все-таки напугал. Я просто гулял здесь и решил полюбоваться на море – а сквозь ветки его не видно. Поэтому залез вглубь.

– Ах, вы появились так неожиданно! – испуг девушки мгновенно превратился в кокетство. Маленькими тонкими пальчиками она помахала перед собой, словно пытаясь освежить разгоряченное лицо. Впрочем, его на самом деле покрыл чудесный румянец. Сорген с удовольствием оглядел эти розовые щечки, густые черные косы, собранные на затылке и прелестный, немного вздернутый носик.

– В следующий раз я буду осторожнее, – заверил молодой волшебник, еще раз легко кланяясь при этом.

– Ну ничего! – отмахнулась девушка. – Я уже забыла об этом.

Она жеманно сложила ручки на груди и стала разглядывать Соргена с не меньшей откровенностью, чем тот разглядывал ее.

– Тем не менее, я должен предложить вам свою руку! Позвольте довести вас до вашей комнаты в качестве компенсации за доставленное неудобство.

– Пустяки, – она быстро огляделась: крыша уже опустела, и они остались вдвоем. – Однако, я еще не собиралась уходить... Ветер так свеж, небо такое заманчиво глубокое, и деревья выглядят так... ах, таинственно!

– Хорошо! В таком случае, я предлагаю прогуляться вместе. Идет?

– Конечно! Вы такой галантный кавалер, хоть и выскакиваете из кустов, будто леопард из засады! – девушка потащила Соргена по аллее, не переставая тараторить и улыбаться. Выглядело это мило, но вряд ли нормальный мужчина был способен выдержать такое общение долго. К счастью, Сорген и не собирался поддерживать продолжительного знакомства. – А я видела, как к вам сегодня приезжал господин Белгман. Вы, наверное, очень важный человек? Такой молодой, и уже важный. Наверное, сын какого-то князя?

Не в силах вставить ни слова в щебетание новой знакомой, Сорген присвистнул про себя: девица оказалась не так проста, как могло показаться с первого взгляда. Теперь он не удивился бы, если вдруг каким-то образом узнал, что их столкновение на самом деле вовсе не случайно. Девушка действовала, как заправский политик, хитрее и смелее, чем княжеский советник –

хотя, преследуемые ею цели могли оказаться и совершенно безобидными. Какая-нибудь чепуха вроде выхода замуж за влиятельного и симпатичного юношу...

– Не хотел бы вас расстраивать, – сказал наконец Сорген, когда девушка остановилась, чтобы перевести дыхание. – Но никакими землями и государствами в ваших краях я не владею. Хотя, не могу сказать, что происхожу из простонародья.

– Да? – если девушка и разочаровалась, то на улыбке это никак не отразилось – она осталась по-прежнему лучезарной. Сорген попытался прочесть в ее темных глазах мотивы поведения, но не преуспел. В конце концов, какими бы они ни были, ему это ничем не грозит. Нужно быть осторожным, однако не больше, чем всегда. Обычай у моря Наодима не отличался суровостью и нравственной строгостью, и для него одного законов никто не переделает. Если девушка так явно желает познакомиться с ним в расчете на последующую выгоду – что ж, это только ее риск. Когда он не оправдается, она сможет винить в этом только собственную самонадеянность.

– Меня зовут Каллелия, – продолжала тараторить тем временем девица. – Вам нравится это имя? Мама говорит, что это названия красивого цветка из далекой страны. Мой отец управляет Десятью Деревнями на западе княжества. Место ужасно скучное и отсталое, не в пример этому замечательному городу! Мы с сестрой приезжаем сюда раз в год, чтобы недельку поразвлечься. К сожалению, на больший срок у отца не хватает денег...

Глаза ее раскрывались все шире и шире по мере того, как она уводила Соргена в один из глухих тупичков. Шаг за шагом, она все теснее прижималась к его бедру своим и сильнее обхватывала рукой локоть. Недвусмысленное предложение, которое Сорген не собирался игнорировать. С легкой дрожью он вспоминал, каким горячим и пьянящим может быть женское тело, отданное в твою власть... Давненько он не обнимал такую молодую и, судя по всему, страстную женщину! Не выдержав, он первый остановился, развернул Каллелию к себе и впился в ее мягкие губы своими. Она не думала сопротивляться; напротив, прижавшись к нему твердыми выпуклостями груди, девушка обхватила цепкими ручками шею Соргена и повалила его вниз, под сень кипарисовых ветвей...

Солнце утонуло в море, пока они предавались бурным игрищам на сухой земле, заваленной тускло-зелеными хвоинками. Луна заняла его место в небе. По одной из здешних легенд, Луна была женой Солнца, ветреного красавца, пустившегося в бег. Испокон века жена догоняла мужа, но это удавалось ей лишь в редкие случаи затмения – а потом погоня продолжалась. По дороге Луна роняла слезы, которые становились звездами.

Поднявшись с земли, любовники, перебрасывающиеся тихими смешками, пробрались по лестнице в комнату Соргена. Другие постояльцы, спустившись в обеденный зал, поглощали ужин и проводили время в беседах – эти же двое никак не могли оторваться друг от друга. Лишь к полночи Каллелия, уставшая и наконец-то примолкшая, уснула. Сорген поднялся и стал одеваться, разглядывая девушку со странным чувством. Она была симпатичной, ласковой и едва ли не по-детски непосредственной – либо старательно создавала таковое впечатление. Очаровашка... разве что слишком болтлива. Тем не менее, никакого глубокого чувства к ней Сорген испытать не мог. Девушки, охотно прыгающие в постель, вызывали в нем чувство протеста. Почему? Он не мог этого решить для себя. Быть может, это результат иного воспитания: в традициях Энгоарда девичья честь, определенная холодность в отношениях мужчин и женщин считались обязательными нормами среди Высоких. Очевидно, как ни хотелось бы Соргену считать себя полностью порвавшим с тем обществом и его устоями, отголоски затерялись глубоко внутри и давали о себе знать. Его идеалом была неприступная, строгая красавица, которую невероятно трудно завоевать. Такой он пока не встречал...

Каллелия посапывала, уткнувшись лицом в подушку, а лунный свет делал ее круглое бедро похожим на слоновую кость. Соргену вдруг захотелось провести по нему ладонью, почув-

ствовать бархатистую гладкость кожи и тепло молодого тела, но он заставил себя отвернуться. Довольно.

Он завязал кушак на атласном халате и поправил воротник. Через гостиную, с остатками фруктового ассорти на огромной широкой чаше, он выбрался в коридор и снова поднялся по лестнице на крышу. Ветер усилился и постанывал в кронах кипарисов, однако он до сих пор оставался теплым. Ветви качались, своим мерным шелестом заглушая шум прибоя. С запада по небу ползли темные громады туч, постепенно гасящие звезды.

Сердце Соргена вдруг отчего-то бешено забилося. Тело пробрала дрожь, словно теплый ветерок превратился в ледяной вихрь. Будто все печали, которые он только мог найти в себе, сковали сердце: одиночество, неудовлетворенность, потерянности в этом чужом мире. Объятый внезапной тоской до такой степени, что на глазах выступили слезы, Сорген бросился в один из тупичков, чтобы скрыться там от меркнущих звезд и тяжелых вздохов ветра. Глухой стон вырвался из груди: прямо перед ним, на каменной скамье, жалкий и сгорбившийся, сидел Призрак.

Он сейчас же вспомнил приведение, назвавшееся душой его сестры, хотя не видел его с тех давних пор, когда они впервые встретились рядом с Тремя Вершинами на севере Страны Без Солнца. Сейчас Призрак стал еще более прозрачным и нереальным, чем тогда. Склонив голову, он неподвижно сидел и глядел на свое отражение в овальной лужице с бортиками из треугольных кирпичиков. Рядом с приведением Сорген просто задыхался от желания разрыдаться в голос и сотворить над собой нечто ужасное. Тогда, после первой встречи, он быстро убедил себя, что их встреча привиделась ему во сне; попытавшись вернуть контроль над своим сознанием, он яростно всхлипнул и ущипнул себя за шею. Боль была глухой и долгой, будто распавшейся на десятки мелких булавочных уколов.

– Ты! Ты... ты вернулась?! – кое-как выговорил Сорген, так и не решив, как относится к Призраку – как ко сну или реальности. Приведение молчало, доставляя этим дополнительные страдания. Казалось, внутренности Соргена превратились в бурлящий водоворот, и сейчас порвут телесную оболочку, чтобы разлететься по всей крыше. Горло его сдавило, и он бросился на колени, молитвенно складывая руки.

– Не молчи! Скажи хоть что-нибудь!! Через столько лет ты пришла ко мне вновь, чтобы просто молча мучить?

– Не я мучаю тебя, злой Дальвиг, – отрешенно прошептал Призрак. – Это ты. Ты сам мучишь нас обоих.

– Нет, неправда! – с жаром воскликнул Сорген, в страдании скривившись, когда услышал забытое имя. – Я не трогал тебя; я не звал тебя; ты мне не нужна!!

– Да, да... – печально подтвердил Призрак. – Я не нужна тебе, жестокий Дальвиг. Ты – яростное солнце, что жжет раскаленными лучами и бежит, не оглядываясь, навстречу ужасному концу мира. Я – луна, которая скоро растает среди выплаканных слез.

– Я ни от кого не бегу, – Сорген попытался гордо вскинуть голову, но жест получился жалкий, полный ожидания неизвестно чего.

– Наш спор не имеет смысла, – тускло ответил Призрак и отвернулся. Едва заметный в темноте силуэт был таким тонким и хрупким... Казалось, даже легкое дуновение способно развеять призрачную плоть. В повороте прозрачной головы сквозили безнадежность и обреченность. – Я тоже не преследую тебя – мы просто неотделимы. Ты станешь упрекать свою руку, что она преследует тебя и не дает покоя?

– Ты никогда не была моей частью! – запротестовал Сорген.

– Снова не то, глупый Дальвиг. Уходи. Ложись спать. Забудь нелепый призрак, как страшный сон.

Сорген в ярости взмахнул рукой и стукнул себя кулаком по бедру. В ноге немедленно вспыхнула дикая боль, но он только глухо застонал, принявшись метаться рядом со скамьей.

– Все неправильно. Ты сама зовешь меня! Я не мог понять, что тянет меня на крышу в столь поздний час, пока не увидел тебя. А теперь ты велишь мне уходить прочь? Чего тебе нужно?

– Ничего...

– Нет!!! Нет!! – Сорген метнулся к ногам Призрака и, внезапно переменив ярость на покорность, упал на колени. – Я прошу у тебя снисхождения! Смотри! Князя дрожат, когда видят меня, их советники теряют разум от страха – но перед тобой я сам повержен и умоляю. Что я должен сделать? Что??

– Бедный Дальвиг! – голос Призрака задрожал еще сильнее прежнего. Снова повернувшись к Соргену, девушка подняла руку, словно сотканную из тающего утреннего тумана, и провела над головой молодого колдуна. Ледяное отчаяние окатило его с головы до ног. Он поднял бледное лицо и увидел крупные слезы, дрожащие в уголках бездонных черных глаз призрака. – Ты должен совершить невозможное. Измениться так, чтобы я могла соединиться с тобой... Но это неслыханно, неосуществимо. Мы обречены. Человек не может существовать без души, как и душа не может существовать без человека. Мы с тобой – чудовища, которым не место в мире. Сначала уйду я, а потом ты. Ничто не сможет помочь нам, несчастный Дальвиг!

Он сгорбился, чувствуя, как сдерживаемые слезы выжигают все внутри безжалостной горькой кислотой.

– Совсем ничто?

– Нет. Если бы только ты родился заново – но это невозможно. Скоро, скоро я покину мир и не буду мучить тебя, обреченный Дальвиг. Станешь ли ты от этого счастливее?

– Ну почему, почему нет выхода? Подумай хорошенько – может быть, я мог бы что-то сделать?

– Не знаю. Я – не учитель. Я – учение. Ты должен принять меня, снова превратившись в того Дальвига, которым был много лет назад, в счастливом замке Беорн. Как – мне не ведомо.

– Да, это невозможно, – Сорген кивнул поникшей головой. – Мне никогда не стать прежним.

– Это так. Скоро ты забудешь обо мне.

– Невозможно!

– Возможно. Грядут перемены и испытания. Ты уйдешь прочь и потеряешься в пелене времени и расстояния. Я буду рядом – и далеко, постепенно умирая.

Сорген обессилено уселся прямо на теплые плитки камня, которыми была выстлана площадка около скамьи. Сжавшись в комок, он уставился вдаль невидящим взором. Порыв ветра обдал его теплом, и тоска стала исчезать, уходя, как вода в песок. Пораженный внезапной догадкой, Сорген встрепенулся и выгнул шею, заглядывая себе за спину, на скамейку. Призрака там больше не было.

Глаза, не увидевшие опасности

Капли утреннего дождя давно высохли на ветвях величественных деревьев. Это были кипарисы, но не такие, как на крыше гостиницы – маленькие и круглые, а высокие, пирамидальные красавцы с ярко-зеленой хвоей. С ними мешались кривые старые кедры, дикие финиковые деревья и бальзовые деревья с прочной сухой древесиной. Каждый лучик солнца без остатка ловился бесчисленными листьями и хвоинками. Соргену они напоминали толпу голодных людей, жадно борющихся за бесплатное угощение.

Конские копыта выбивали желтую пыль – пока еще немного, потому что дорога оставалась слегка влажной. Извиваясь, она вела на север мимо частых маленьких роц и крошечных участков возделанных полей. Высоко в ярко-синем небе парил уродливый силуэт эзбанса. Сорген, верхом на погрузневшем от времени Дикаре, вел за собой маленькую армию. Тридцать пять сытых, прекрасно экипированных наемников сонно оглядывали окрестности; сто двенадцать солдат Халаина были измучены скитаниями, столь непривычными для оседлых жителей Приморья. Они были злы и встревожены происходящим. Некоторые пытались взбунтоваться утром, когда от них потребовали продолжать поход на Сурахию.

– Там смерть! – вопили самые горластые. – У Ануара огромное войско. Пусть волшебник докажет свою силу!

Сорген не возражал. Выделив из толпы одного крикуна, коротышку с перекошенным в трусливой злобе крошечной физиономией, он указал на него пальцем и приказал: "*Требирел!*". Человек тут же вспыхнул, весь разом, от пяток до макушки, а остальные, сталкиваясь друг с другом, бросились врассыпную. Визжащий от боли горлопан, размахивающий пылающими руками, заметался в образовавшемся кольце, но скоро упал на землю и затих.

– Кому-то еще нужны доказательства? – любезно осведомился у притихшей толпы Сорген. – Вам не надо будет даже сражаться, болваны!

Бунт был подавлен, а слава колдуна и внушаемый им страх возросли невероятно. Через некоторое время после того, как крошечная армия покинула настороженный Вейдзал, на одной из полян Сорген провел ритуал проникновения в мир демонов. Оттуда он вызвал трех эзбансов – небольших летающих чудовищ, покрытых острой чешуей. Разевая пасти, демоны наперебой зашипели: они требовали платы. Движением руки Сорген закрыл врата, ведущие в их мир, и бесцеремонно сказал:

– Заработайте плату, прежде чем ее просить. Здесь достаточно жарко и сыро, чтобы вы могли летать без лишних усилий. Пусть двое направляются на север и наблюдают там за большим городом и войсками вокруг него; третий останется над моей головой – будет оглядывать окрестности в поисках засад. Когда мы перебьем вражеских солдат, вы сможете вдоволь напиться их крови.

– С-с-се-ус! – недовольно зашипели демоны, однако, послушно подпрыгнули на своих неуклюжих ногах и взлетели в небо. Солдаты Халаина провожали их долгими взглядами, ни живы, ни мертвы. Наемники презрительно посмеивались: они-то к таким фокусам были привычны...

– Так ты уверен, Мастер? – пробормотал державшийся рядом с магом юноша с короткими черными волосами, кривым носом и острым подбородком. – Я видел много твоих побед, но сейчас против нас разом выступают и большая армия, и сурахийские волшебники!

– Брось, Лимбул, – отмахнулся Сорген с кривой ухмылкой. – Как можно называть волшебниками здешних шарлатанов? Где был вейдзальский чародей, когда я прибыл в их город? Ты же знаешь, что князь Ирдел опасался агрессии с нашей стороны?

– Сбежал?

– "Уехал в загородный дом". Хитрости ему, конечно, не занимать, но вот магических талантов явно хватает только на то, чтобы заговорить шторм или вызвать дождь на какой-нибудь засохший огород. Здешние волшебники – одиночки. Их знания и умения скудны, потому что нет организации, способной оказывать помощь. Они, как прочие, покорно ждут, когда отправятся на дно моря, в объятия своего любимого бога... Никто особенно не станет бороться и цепляться за жизнь, надеясь на загробное счастье и покой. Только Черные, которых после смерти ждет не отдых, а продолжение борьбы, отчаянно сражаются и постоянно находятся в поиске. Кроме того, Черная Лига с ее знаниями, накопленными за века, тоже немало значит.

– Я знаю! – воодушевленно воскликнул Лимбул. – Жду не дождусь, когда сам смогу стать Черным – таким же, как ты, Мастер!

– Всеу свое время, – буркнул в ответ Сорген. Он отвернулся, чтобы мысли ненароком не отразились на лице. Лимбул обожал его и ловил каждое слово, впитывая их, как сухая тряпка – воду. Как и все чрезмерное, эта черта характера мальчишки не нравилась волшебнику, но в остальном Лимбул был неплох. Исполнительный, смысленый, смелый и расторопный. Быть может, когда пройдет юношеская восторженность, из него выйдет толк... Пока же Сорген не торопился приобщить его к Теракет Таце, хотя понемногу учил магии. Особых талантов Лимбул не имел, но упорным трудом в конце концов постигал то, что несколькими годами ранее давалось Соргену с потрясающей легкостью. По сути дела, только увидев мучения и изнурительное старание, проявляемое мальчишкой, Сорген осознал в полной мере правоту удивления Ргола Перстенька. Станный колдун, мужчина с повадками и внешностью жеманной красавицы, был поражен легкостью, с которой молодой колдун овладевал волшебными премудростями...

– Смотри! – строго сказал Сорген, прервав цепь воспоминаний и опять вернув Лимбулу все свое внимание. – Видишь те темно-зеленые пятна? Это начинаются плантации кукурузы; они уже во владениях Ануара. Рядом с ними, по другую сторону дороги, есть просторный луг. Встанем там лагерем и будем ждать противника.

– А если он не придет?

– Сомневаюсь. То, что я слышал о теперешнем князе Сурахии, говорит, что он не похож на большинство тутошних людей. Вы, жители далекого юга, смелы и горячи. Мы, с севера, рассудительные и тоже смелые. В Приморье люди не удались: они слишком жизнерадостны и слабы. Борьба – не их сильная сторона. Они любят праздновать, предаваться распутству, интриговать, бить исподтишка... Но Ануар не таков. Он порывист и смел – может потому, что его мать была твоя землячка?

– Запросто! – гордо просиял Лимбул. Сорген смиренно усмехнулся: он позволял мальчишке прерывать себя.

– Стоит нам вторгнуться в его земли – он примчится, невзирая на опасности, и нападет. Пусть его солдаты идут сюда и выдыхаются по дороге. Пусть военачальник кипит от злости и совершает безрассудные поступки. Мы спокойно будем ждать.

– Отлично придумано, Мастер!

– Отправляйся, передай этот план Грималу. А я поговорю с Халаином...

– Опять! – застонал князь в изгнании. – Разве мы недостаточно ждали? Останавливались у каждого куста! Умоляю тебя, давай двинемся на Сурахию немедленно!!

– Как хочешь! – Сорген равнодушно пожал плечами и отвернулся, разглядывая сверкающий кусочек моря за плоским холмом. – Бери командование в свои руки и наступай, куда хочешь, хоть в пучину моря. Так как ты мне платил только щедрыми обещаниями, я в полном праве развернуться и отправиться восвояси.

– Нет! – Халаин едва не расплакался. Его благородно-глупое лицо скривилось и покрылось большими красными пятнами. – Но почему тут? Зачем стоять посреди поля, как куча пугал?

Соргену не хотелось во второй раз описывать свой простой план. Одно дело, когда объясняешь его сопливному мальчишке – и совсем другое, когда приходится разжевывать довольно-таки зрелому человеку, к тому же, в недавнем прошлом – правителю целой страны. Сорген тяжело вздохнул. Ему было даже немного жаль Сурахию, на трон которой он собирался вернуть этакое «сокровище».

– Я предвижу будущее! – громким и торжественным тоном заявил Сорген вслух. Закрыв глаза и воздев руки с растопыренными пальцами, он гнусаво завыл: – Здесь, на этом поле нас ждут великие свершения. Кровь прольется рекой, и многие будут убиты, но победа осенит нас своим крылом.

Халаин судорожно сглотнул и дернул Соргена за рукав:

– Так ты умеешь предсказывать будущее?

– Неужели ты в этом сомневался?

– Нет-нет, просто мне это не приходило в голову... Но, может быть, тогда ты предскажешь будущее мне?

– А ты не боишься? Вдруг оно окажется неприятным? Вдруг тебе суждено пасть в грядущем сражении, в двух шагах от вождя трона?

– Как? – голос Халаина сорвался на писк. – Ты же обещал, что сам все сделаешь... Что мне и моим воинам не придется даже вынимать мечей – разве что для преследования убегающих?

– И что с того? В большой битве всегда есть мелочи, играющие роковую роль. Стрела, которая полетела дальше, чем ей следовало... нора суслика, попавшая под копыта твоего коня, когда ты преследовал удирающего Ануара...

– Нет, я никого не стану преследовать! – испуганно пообещал Халаин. Оглядевшись по сторонам в поисках телохранителей, он добавил: – Надо бы закрыться щитами.

Сорген криво ухмыльнулся, раздумывая, какую бы еще злую шутку сыграть с трусливым князьком.

– А как же тогда предсказание будущего? Для ритуала мне понадобится два ковша твоей крови.

Лицо Халаина покинули краски: оно стало равномерно серым.

– Два ковша? Но... нельзя ли взять кровь барана, или козла?

– Тогда мы узнаем о будущем барана.

– Нет... После двух ковшей крови ты сможешь предсказать мне только скорую смерть.

– Согласись, это будет точное пророчество! – с воодушевлением воскликнул Сорген. Левая щека Халаина задергалась от ярости. Он открыл было рот для какого-то гневного восклицания, но тут же его захлопнул. Раздувая ноздри и гордо вздернув подбородок, князь развернул коня и поехал отдавать приказы своим солдатам.

Оставив позади роши, отряд разбил лагерь почти точно посреди луга, имевшего клиновидную форму. Справа простиралось огромное поле, густо поросшее кукурузой со стеблями в руку толщиной и ростом немного ниже человека. Слева луг поднимался на склон холма, довольно крутой по здешним меркам: за его гребнем виднелись крыши домов небольшой деревеньки. Солдаты немедленно отправились туда, чтобы чем-нибудь поживиться, но несколько наемников остановили их и отправили обратно – возводить поперек луга насыпь. Земля здесь

была рыхлой и мягкой, так что даже лентяи из армии Халаина быстро соорудили вал приемлемой высоты. Сверху на него уложили тюки с палатками, мешки, сундуки, походные котлы и прочую мелочь. К вечеру оборона была подготовлена, как следует: вал перегораживал луг от подошвы холма до кукурузного поля. Под его прикрытием запалили несколько больших костров, на которых жарили мясо. Солдаты роптали, требуя вернуть котлы и сварить кашу, а также выдать привычную кружку вина. Наемники в это время спали почти всем отрядом. Сорген не хотел доверять ночную стражу ненадежным сурахийцам. Сам колдун, чуть наступили сумерки, в сопровождении Хака и Лимбула скрылся в кукурузных зарослях. Помощники волочили следом за ним охапку сучьев.

Кто-то мог счесть их кучкой сумасшедших, занимающихся совершенно бессмысленным делом. Они бродили туда-сюда, продираясь через сопротивляющиеся ряды толстых стеблей, переходя через ведущую сквозь поле дорогу несколько раз. Сорген выбирал самые большие початки, толстые, длинные, покрытые белесыми листьями, с рядами мелких светло-зеленых зерен. Из баночки, которую подавал ему Хак, колдун вынимал кисть из конского волоса и обмахивал ею кукурузные «колосья». На них оставались разводы тусклой серебристой краски. Затем Лимбул поджигал кусочек сосновой коры. Сорген брал его в правую руку – и дерево тут же ярко вспыхивало, превращаясь в золу. На пальцах мага оставалось едва заметное красное сияние: им он касался початков. Зловещее багровое мерцание просачивалось между зернами и медленно угасало. Любовно поглаживая початок, Сорген отколупывал одно зернышко и бросал его в мешок.

Вернувшись, Сорген не стал заходить на территорию лагеря. С темнеющего неба, шипя и извивая шеи, упали эзбансы.

– А-сс-с! – выдавил один. – Два сосавших мать, двуногих и бескрылых, совсем недавно были здесь, у рощи на той стороне холма. Потом они уселись на огромных чудовищ с зубами на концах ног, чтобы убраться на север.

– Ис-сс! – подхватил второй демон. – Я видел их! Они примчались к стае таких же, как они, двуногих – дальше отсюда на север. Зубоногому чудовищу скакать недолго... Сосатели матерей одеты в железную кожу. Они сидят рядом с ручными пожарами и кормят их деревом. Много. Их столько, что для каждого пальца каждого из вас найдется по три противника.

– В-сс-си! – заключил третий. – Дальше на север нет никого.

– Завтра вы напьетесь крови всех этих двуногих, – повелительно сказал Сорген. Демоны недовольно зашипели и принялись требовать корма прямо сейчас. Колдун безжалостно покачал головой. Уныло свистя, эзбансы неуклюже взлетели в воздух и исчезли в темноте. Проводив хлопанье крыльев поворотом головы, Сорген опустился на корточки и развязал мешок с кукурузными зернами. Насыпав туда что-то из двух мешочков поменьше, он долго мешал содержимое большого мешка и приговаривал при этом неразборчивые слова. Изнутри начало пульсировать белое сияние, сначала тусклое, потом разгорающееся все ярче и ярче. Голос Соргена возвысился и разнесся в ночи громким воплем. Из мешка, как язык ловящей муху жабы, метнулся толстый белый луч. Он скользнул к небесам и будто бы разбился о них, усеяв кукурузное поле настоящим дождем падающих звезд. Сорген наблюдал его с кривой, довольной усмешкой. Удовлетворенно кивнув, он завязал мешок и вернулся в лагерь, чтобы спокойно улечься спать рядом с храпящим Хаком.

Утром его разбудил Халаин.

– Вставай, вставай! – твердил он срывающимся шепотом, будто боялся, что его услышат. Сорген недовольно сбросил руку князя со своего плеча. Сморщившись, он поднялся на локтях и осмотрелся. Солдаты, прижимаясь животами к внутреннему скосу вала, осторожно выглядывали из-за него. Впрочем, рядом стояли во весь рост невозмутимые наемники, которые показывали на север пальцами и о чем-то негромко советовались. На всех были надеты шлемы, кирасы и прочая броня; заряженные арбалеты лежали поодаль.

– Ради Наодима, вставай! – вновь зашептал Халаин. Казалось, сейчас он заплачет и упадет на колени.

– Что мне твой Наодим, – пробурчал Сорген, но князь не заметил святотатства. Озираясь, будто беглый вор, он запричитал:

– Ануар идет! Он совсем близко! Солдаты хотят убежать!

Сорген легко вскочил на ноги. Вдали, на узком конце луга развевались под красно-синим штандартом войска нынешнего сурахийского владетеля. Среди многочисленных пехотинцев виднелись редкие всадники в латах, поблескивающих в лучах поднимающегося солнца. Пехота воспринималась безликой серой массой – там металла не было и в помине, даже бронзы. Копий разглядеть нельзя было, как и прочих деталей, но Соргена они не очень-то интересовали.

Покончив с осмотром вражеской армии, колдун зычно крикнул:

– Наружу, все наружу! – и сам первый исполнил свой приказ, ловко перебравшись через вал. На ходу он протирал глаза и оглаживал волосы. Наемники немедленно повиновались. Они проворно, несмотря на доспехи, преодолели вал и выстроились за спиной повелителя.

– А ты не хочешь сразиться за престол? – насмешливо спросил Сорген у Халаина, сжавшегося за спасительным валом.

– Для этого я нанял тебя! – пискнул тот.

– Давай выходи, или мы откажемся от сделки!

– Зачем? – продолжал ныть князь. – Зачем нам выходить наружу? Для чего мы рыли эту землю?

– Что-то я не видел, как ты копал, – пробормотал Сорген, вновь взглядевшись в ряды копошащихся солдат врага. За его спиной стонущий Халаин принял из рук оруженосца щит, шлем и меч. Со страдальческой гримасой на лице князь полез через вал; за ним двинулись сумрачные телохранители, а потом и некоторые солдаты.

Сорген закрыл глаза и плавно взмахнул руками. Разум его слегка помутился – так всегда бывало, когда он затевал серьезное дело. Он мысленно оторвался от земли и полетел в звенящей тьме – до тех пор, пока не увидел свет, бивший из ниоткуда. Луч был ярким, плотным и мягким. Его можно было взять руками, которые на самом деле остались далеко внизу, за завесой тьмы, и мять, рвать на части, растягивать и сплетать вновь. Отделив от луча гигантское полотнище, Сорген заставил его полоскаться на неосязаемом эфирном ветру... Ком подобрался к горлу, навевая тошноту, но он легко отогнал это неприятное ощущение. Открыв глаза, Сорген увидел себя стоящим на прежнем месте. Хак деликатно поддерживал за талию его ослабленное тело. Воздух впереди, на пространстве между армиями, колебался, словно от сильного жара – но солнце, ярко-розовое и пока беспомощное, только поднималось над горизонтом. Клубы желтой пыли постепенно стали закрывать марширующее войско Ануара, будто бы спеша спрятать его от хищного взгляда Соргена.

Солдатам Халаина пыль не мешала во всю дать волю воображению:

– Во имя дарующего жизнь Моря, бежим! Их там десять тысяч, не меньше!

– Смотри, как блестят доспехи! Наверняка, подлый Ануар успел нанять себе рыцарей из чужих стран.

– А где же колдун? Может, на наши головы сейчас посыплются молнии?

Не выдержав этих речей, один из солдат развернулся и бросился наутек. Сорген небрежно шевельнул рукой, посылая ему вдогонку плотный рой серебристых искр. Они облепили паникера, как разозленные пчелы, заставили трястись и орать, подпрыгивать и крутиться на месте. Когда искры постепенно погасли, несчастный уже упал: тело его обгорело, обуглившийся череп скалился голыми зубами, а панцирь превратился в дымящееся решето.

Остальные солдаты, думавшие последовать за первым беглецом, застыли, неестественно прямо вытянув спины и судорожно сглатывая. Даже Халаин не мог унять мелко трясущуюся нижнюю челюсть.

– Позор трусам, – сурово сказал Сорген, исподлобья оглядывая ближайших сурахийцев. – Не заставляйте меня тратить волшебство, предназначенное для врагов, на вас.

Повелительно взмахнув руками, колдун приказал разойтись в стороны наемникам, оказавшимся чуть впереди него. Солдаты Халаина, пугавшиеся теперь каждого движения Соргена, дружно застонали от страха. Однако, на сей раз мощь волшебства должны были испытать на себе враги, а не друзья. Сделав несколько неторопливых шагов вперед, Сорген простер руки перед собой и выплеснул далеко над лугом струи белых искр. Их яркое сияние на мгновение затмило солнце; потом над армией Ануара расцвели десять круглых шаров, издали похожих на огромные одуванчики. Так же, как одуванчики бессильно и покорно распадаются от порыва сильного ветра, волшебные шары превратились в ворох тусклых клочьев, которые медленно уплыли над головами врагов за склон холма. Какой-то глазастый солдат рядом с Соргеном возбужденно завопил:

– Я вижу их волшебника! Он радуется! Это он отразил магию!!

Сорген криво ухмыльнулся и сложил руки на груди. Все, что нужно было, он сделал. Теперь оставалось только ждать, когда враги поглубже засунут свои головы в ловушку – и захлопнуть ее, чтобы никто не мог сбежать.

Нестройные шеренги вражеских солдат, старательно закрывавшихся свежеекрашенными круглыми щитами, неотвратимо надвигались. Солнечные лучи поблескивали на остроконечных шлемах всадников и золотили шитье на одиноком знамени в тысяче сажений, в восьмистах, шестистах... Наемники приготовили к бою арбалеты. Самые смелые из сурахийцев спешно последовали их примеру. К счастью, они были не слишком расторопны: в небе над головами мелькнула тень, и солдаты завопили, приседая и пытаясь спустить тетивы.

– Не стреляйте, недоумки! – вскричал Сорген. Это был эзбанс. Не садясь, он покружил над головой волшебника. Шея его свесилась далеко вниз, а из пасти лилось противное сипение.

– Ссуа! Странное дело! Множество двуногих не хочет сражаться. Они отправились пасти в сочной траве!

Быстрым жестом Сорген отпустил демона. Итак, они не преминули тайком пробраться по кукурузному полю, чтобы нанести удар с фланга. Именно этого он и ожидал... Обидно было бы потратить впустую столько труда, заколдовывая зерна. Хорошо, что Ануар гораздо смысленнее, чем его двоюродный брат.

Теплое чувство собственного превосходства растеклось по груди Соргена. Оно было приятнее, чем любовное наслаждение, чем любое другое ощущение. Он был повелителем жизни и смерти, Высшим существом, которое имело силу и право миловать и казнить.

– *Требис, зребрел!* – воскликнул Сорген во всю мощь своих легких. Одновременно он запустил руку в наполненный вчера мешок. Продолжая кричать на языке Черных, он вынул руку на свет и сжал кулак, выдавливая бурый сок из почерневших зерен. – *Семена, рожденные, чтобы поддерживать жизнь, обратитесь в посланцев смерти! Летите, твердые, словно камень! Пронзайте плоть! Крушите сталь! Рвите дерево!*

Сок, похожий на жидкую, водянистую кровь, тек по руке Соргена и исчезал за съехавшим к локтю обшлагом. Из кукурузных зарослей раздался протяжный, перекатывавшийся по всему полю с места на место, громкий треск. Между стеблей мелькали тусклые вспышки пламени; в небо летели ошметки зеленых листьев и крошево, оставшееся от початков. А еще – фонтаны крови, взметающиеся тут и там. Шелест сбитых стеблей не мог заглушить многоголосые крики боли, похожие на какой-то безумный хор. Жуткие влажные шлепки, скрежет металла... Над кукурузным полем поднялся красный туман.

Сорген, как заведенный, доставал из мешка все новые и новые пригоршни зерен. Не прекращая повторять заклинание, он давил их и выбрасывал бурое месиво на землю.

Когда он закончил, никто не вышел из поредевших зарослей. Сквозь потрепанные стебли, устоявшие перед колдовством, виднелись беспорядочные темные груды, в которые превратилось кравшееся для флангового удара войско. Лишь несколько изорванных листьев, взлетевших особенно высоко, медленно падали на луг. Брезу, наемник, стоявший справа, ближе остальных к кукурузе, носком сапога вырыл что-то из земли. Кривыми грязными пальцами он поднял маленький шарик и показал товарищам: с виду это походило на угловатое зернышко недозревшей кукурузы, но было твердым, как сталь, и горячим.

Наступавшие, однако, продолжали двигаться вперед. Если они и замешкались, увидев избиение обходного отряда, то это прошло почти незаметно. Их командир, нисколько не смутившись силой противодействующего колдовства, гнал армию вперед. Сорген уже мог слышать зычные выкрики рослого человека в посеребренной кирасе, на громадном белом коне. Лазоревая попона закрывала круп лошади и ее задние ноги, витиеватые наплечники над панцирем казались торчащими из-за спины крыльями. Черт Ануара разглядеть было нельзя – у конического шлема имелаась проволочная маска, скрывшая лицо. Рядом с вождем держалось несколько конных воинов и волшебник в длинной мантии и кожаном переднике.

– Хочешь убить его сам? – спросил Сорген Халаина, полуобернувшись.

– Я нанял тебя! – ответил тот дрожащим голосом. Спрятавшееся глубоко в шлеме лицо было бледным, с заострившимися чертами – будто князя поразила тяжелая хворь. Впрочем, страх чем-то похож на болезнь. Совсем недалеко, за валом, стоял княжеский конь, развернутый мордой на юг... Чего можно было ожидать от подданных столь смелого государя? Сурахийцы нетерпеливо перебирали ногами, как скакуны, которым не терпится понестись вскачь. С побелевшими от ужаса лицами они разглядывали приближающиеся шеренги противника.

Когда до них осталось меньше сотни сажений, войско Ануара замерло. Первый ряд опустился на колени, упирая щиты в землю, а поверху выставив арбалеты. Второй ряд в качестве опоры использовал верхушки кожаных шапок присевших воинов.

– Ого! – крикнул Гримал. – Где он набрал столько стрелялок?

Вопль ужаса огласил окрестности. Халаин проворно отскочил назад и прыгнул под защиту вала. Рухнув на живот, князь ногами вверх съехал по южному скосу. Его «гвардейцы», словно тараканы, заметались по сторонам, бросая оружие, сталкиваясь друг с другом. Сорген от души рассмеялся, показывая на них пальцем. Наемники сдержанно подхватили. Лимбул небрежно пнул упавшего сурахийца в бок, чем заставил его перевернуться на спину и застыть с несчастной гримасой человека, приготовившегося непременно умереть.

На каждого воина, оставшегося стоять лицом к опасности, пришлось по пять стрел, а то и больше. Со свистом они разрезали воздух, но на подлете к жалкой кучке наемников вдруг угодили в полосу дрожащего воздуха, воздвигнутую Соргеном в начале сражения. Над полем битвы расцвели десятки маленьких вспышек, будто бы вместо боя здесь решили устроить фейерверк. Все стрелы до одной исчезли, не оставив после себя ни кусочка дерева, ни перышка.

Вражеский волшебник бросил несколько шаров. С виду они походили на обычные камни, но летели намного дальше и по дороге загорались. Все это больше пригодилось бы при осаде – однако сурахийский колдун, по видимому, просто не имел в своем арсенале ничего лучше. Впрочем, горящие камни, как до них стрелы, были бессильны перед волшебным барьером. Разбившись на кусочки, все они попадали в траву.

К тому времени солдаты Ануара приблизились так, что стало слышно их тяжелое дыхание и скрип кожаных доспехов. Наемники неспешно выстроились в линию и стали стрелять из арбалетов. Тяжелые болты, выпущенные с такого небольшого расстояния, пробивали насквозь и деревянные щиты, и тела людей. Когда новый болт с басовитым свистом вспарывал воздух, он обязательно находил цель. С глухим стуком стрела прошивала щит и отбрасывала воина

назад. Строй ломался, солдаты в ужасе отшатывались прочь от убитого, спотыкались о его беспомощное тело, которое истекало кровью... Не менее четырех десятков сурахийцев рухнули наземь мертвыми, но это не остановило многих других. Они видели перед собой горстку врагов и стремились как можно скорее достичь их и расчитаться за гибель товарищей. При тридцатикратном преимуществе никакое волшебство не способно помешать им победить! Сорген видел проблески торжества на перекошенных лицах солдат, которые месяц назад мирно возделывали поля и лепили горшки из глины. Он тихо рассмеялся над их уверенностью, которая сейчас растает, как дым костра растворяется в небе.

– Эй вы, вернитесь, трусливые дети виноградных улиток! – закричал Сорген, обращаясь к бежавшим воякам Халаина. – Разве вы не желаете разделить со мной честь победы?

Впрочем, он с удивлением заметил, что Оль-Заль и еще несколько человек стоят рядом с наемниками, сжимая в руках обнаженные мечи. Весь отряд казался крошечной песчинкой, которую сейчас захлестнет, смоем без следа волна наступающих... Сорген купался в своем безбрежном чувстве превосходства над всей этой пыхтящей массой, такой самоуверенной и обреченной перед лицом его могущества. Его воля правит сегодня миром в этом его уголке. Он сегодня бог, повелевающий жизнью и смертью. Он – велик и могуч!

Взмахом руки заставив наемников прекратить стрельбу, Сорген пробежал вдоль их ряда. Каждого он касался талисманом, который достал из сумки: это был большой молочно-белый камень в оправе из бронзовых когтей. Стоило коснуться им воина – того укрывал полупрозрачный кокон, по форме похожий на куриное яйцо. Талисман назывался Щит Демонов и давал на некоторое время неуязвимость в бою.

Как раз к концу "церемонии освящения" наемников первая шеренга вопящих от боевого гнева сурахийцев достигла волшебной полога из колеблющегося воздуха. Там, где сгорели стрелы, там, где разлетелись в крошки камни, на пути людей встала ревущая стена сплошного пламени. Комья земли, искореженные куски металла, тлеющие останки людей полетели в разные стороны, будто выстреливаемые из баллист. Вся первая шеренга воинов, самые опытные и смелые, лучше других вооруженные бойцы разом превратились в кучи пепла и мусора. Радужные разводы скользнули по небесам направо и налево, возвещая Соргену, что защитного полога более не существует; на обгоревшей земле топтались уцелевшие сурахийцы, причем некоторые из них побросали свое оружие и в ужасе закрыли лица.

Несколько всадников, метавшихся в середине растерянного войска, хриплыми криками призывали атаковать снова. Два воина, с белыми лицами и сумасшедшими глазами, вырвались из общей массы и кинулись на врага – один с голыми руками, второй с уродливым мясницким топором. Нестройные выкрики неслись следом за смельчаками – или безумцами. Воодушевившись в последний раз, остальные солдаты тоже продолжили атаку.

Сорген, к тому времени вскочивший в седло подведенного Лимбулом Дикаря, приветственно вскинул руки и расхохотался со всей доступной ему яростью в голосе. Ближайшие сурахийцы шарахнулись в сторону от этого зловещего оскала: колдун пришпорил коня навстречу лаве вопящих людей. Его скакун, привычный к суматохе и волшебству, спокойно поскакал галопом прямо в толпу. Сорген зачерпнул в кошеле Огненного порошка и развеял его по сторонам, стоило только коню врезаться в первую группу врагов. Он походил на сеятеля, вздумавшего взрастить на этом лугу смерть. Несколько людей по правую руку от Соргена превратились в горящие факелы; слева порошок упал главным образом на землю, заставляя сурахийцев плясать дикий танец, бросать щиты, оружие и спасаться бегством. Указывая на колдуна пальцами, испуганные воины пускались наутек, а их менее удачливые товарищи катались по траве в предсмертных судорогах, обугленные и дымящиеся.

Не обращая более внимания на удирающих пехотинцев, Сорген вынул Вальдевул и подхватил щит. С некоторых пор он наложил на свой меч чары, сделавшие его чуть легче, чем раньше, так что молодой колдун мог держать волшебный клинок в одной руке. Воздев Валь-

девул, черный и зловещий, к небу, Сорген направил коня к всадникам, которые безуспешно пытались подбодрить пораженное страхом войско. Один из княжеских телохранителей рванулся вперед, однако Сорген без труда уклонился от удара мечом, а сам, полуобернувшись, легко рассек панцирь на спине врага вместе с плотью. Вальдевул гулко звенел в воздухе, будто бы довольный пролитой кровью. Увидев быструю смерть товарища, остальные телохранители поспешно присоединились к убегающим. Один только князь в серебряной броне яростно махал мечом, выплевывая проклятия всем подряд – и своим, и чужим. Вдруг перед Соргеном возник черный всадник – волшебник в своем кожаном переднике, старом и потрескавшемся. Лицо колдуна тоже было потрепано временем, потемневшее, покрытое морщинами. Хлопнув в воздухе просторным рукавом, волшебник метнул в лицо Соргена горсть крупинок. В воздухе они издавали неприятный скребущий звук, словно кто-то решил скоблить чугунный горшок. Одна крупинка очутилась у Соргена на носу и быстро поползла по коже вверх. Судя по всему, это были ризулы, волшебные насекомые, выведенные не так давно одним волшебником с Запада. Они вгрызались жертве в плоть, проделывая там длинные извилистые ходы, отчего пораженный даже одним ризулом человек умирал от потери крови в жутких мучениях. Однако, Соргену они доставили мало хлопот: ведя походную жизнь, он был вынужден ежедневно, еженощно бороться с множеством разных паразитов – блохами, вшами, комарами и муравьями. По утрам он втирал в кожу яд собственного приготовления, отведая которого все твари моментально дохли; ризулы, какими бы волшебными они ни были, тоже не устояли. Едва успев укусить Соргена первый раз, ризул сдох и свалился вниз. Второй и третий, севшие на щеку и кисть руки, последовали за первым...

Тем не менее, боль от укусов, хоть и была едва заметной, разъярила молодого колдуна. Воздев меч, он собрался покарать вражеского волшебника, осмелившегося напасть на него вместо того, чтобы удирать во все лопатки. Старик сжимал в руках здоровенную веретенообразную палку, белую с желтым оттенком – словно выточенную из кости. Слишком поздно Сорген узнал ее: это была знаменитая Заколка Стальноволосой Улемейи, оружие, обладающее значительной силой. Лезвие Вальдевула врезалось в него с ужасающим скрежетом и было отражено, в первый раз за все время службы Соргену. От неожиданности тот застыл и непонимающе поглядел на меч, чуть было не вырвавшийся у него из руки. Сурахийский волшебник, воспользовавшись замешательством противника, кольнул его в щит. Ясеньевый кругляш, обшитый легкой и прочной сталью, вдруг превратился в тряпку: обвиснув и расплывшись на лоскутья, он повис на руке Соргена, бесполезный и жалкий.

В один момент молодой колдун оказался в чрезвычайно сложном положении. Никто и никогда не учил его фехтовать – сначала для этого не было возможностей, а потом, с появлением Вальдевула, необходимости. Сорген ни разу не задумывался, что может повстречать человека, вооруженного равным по мощности волшебным оружием. Теперь это случилось – и он оказался беззащитен.

Пока седок, застыв, глядел на смертоносное жало Заколки Улемейи, Дикарь встал на дыбы и отпрыгнул назад. Острие костяного копья скользнуло по его шкуре, прочертив длинную царапину на левом плече. Дикарь тонко заржал и врезался передними копытами в шею вражеского коня. Мотнув головой, тот свалился на колени, а волшебник вылетел из седла и покатился по земле. Заколка улетела куда-то в сторону, а Сорген наконец-то пришел в себя и, рыча от запоздалого страха и нахлынувшего с новой силой гнева, замахнулся мечом во второй раз. В этот момент что-то сильно толкнуло его в спину, заставив упасть на шею коня. Мимо уха свистнула стрела; очевидно, вторая воткнулась в спину. Кажется, он даже чувствовал острие, пробившее легкую кирасу на лопатке. Если б на панцире не было заклинания прочности, болт пронзил бы тело насквозь...

Сорген сполз с седла на землю и шлепнул Дикаря по крупу. Тот взбрыкнул задом и помчался прочь, задравши хвост. Колдун обернулся и увидел трех арбалетчиков, перезаряжа-

ющих свое оружие. Они стояли, не обращая внимания на бегущих справа и слева трусов, а наемники туда пока не добрались – ведь их было слишком мало для такой толпы! Скрипя зубами, Сорген сорвал с левой руки перчатку и прижал два пальца к глазам.

– *Заргел!* – закричал он, безжалостно тыча в свои зеницы. На мгновение окружающий мир расплылся и пошел цветными пятнами. Когда Сорген проморгался, стрелки корчились на земле, с воем растирая ослепшие глаза. Как минимум, до завтра они не увидят даже пятнышек света...

Сорген поспешно повернулся к поверженному вражескому волшебнику, но того и след простыл. Черная спина мелькала за неуклюже топавшими солдатами – пожилыми уже дядьками, которые устали бежать сначала вперед, а потом назад. Сорген подобрал с земли кое-как сколоченный щит из тяжелых кедровых досок и бросился в погоню. По пути он растолкал нескольких врагов, но те решили, что он собирается убить их. Один повернулся и нанес боковой удар топором, от которого щит приобрел глубокую трещину. Сорген отмахнулся, снеся наглицу кусок плеча и полголовы. Закатив глаза и пуская пену изо рта, еще живой солдат во весь рост растянулся на земле. Рядом завопили сразу несколько глоток – судя по всему, враги взяли одинокого колдуна в кольцо. Недолго думая, он описал круг острием Вальдевула: вопли превратились в стоны и плач. Кто-то упал и пополз на карачках, одного рассекло пополам и под ноги Соргена посыпались комки сморщенных кишок. Верхняя половина шлепнулась посреди них, выкатив глаза и суматошно скребя руками.

После этого смелость вражеских воинов испарилась. Они снова побежали; Сорген в порыве ярости хотел было преследовать этих тупиц и вырезать всех до одного, но тут же обуздал злость. Настигнуть волшебника гораздо важнее, чем зарубить дюжину деревенских увальней. В двух десятках шагов впереди старика сбили с ног свои же, но волшебник проворно вскочил на ноги и обернулся. Встретившись взглядом с Соргеном, он прокричал какое-то слово – не то ругательство, не то заклинание. Протянув руки к противнику, старый волшебник выплеснул из рукавов плотное зеленое облако. Это был нелепый поступок: Сорген просто задержал дыхание и отбежал прочь. Пара надрывно дышащих сурахийцев вдохнули отравленный воздух и упали в корчах. Старик страдальчески сморщился и тяжело вздохнул. Сорген видел, что он устал и испуган. Издав победный клич, молодой маг устремился к старому, но тот тяжело, как сытый ворон, взлетел в воздух. Сорген мощно подпрыгнул и воспарил следом... Когда-то он мечтал, что будет летать, словно птица – и вот, теперь взмыть в воздух он мог легче и изящнее, чем вскочить на коня. Хлопая рукавами на ветру, Сорген быстро нагнал старика и взмахнул мечом. Волшебник увернулся, так что Вальдевул отсек ему только кусок плаща. Однако, искусство полета не было сильной стороной сурахийца, судя по тому, как неловко и медленно он летел. Ухнув к земле, старик заметался из стороны в сторону и попытался резко сменить направление полета. Едва не задев верхушки пыльных трав, сурахиец решил проскользнуть между землей и ногами противника. Смеясь, Сорген перевернулся на спину, изогнулся и сверху пригвоздил старика к мягкому суглинку. Враг тяжело рухнул, как полный камней черный мешок.

Победитель гордо воздел меч к небесам и сотряс воздух громким воплем. Бегущие солдаты пригибались и запинаясь, думая, что это новое, еще более губительное колдовство... Сорген медленно повернулся в воздухе, на высоте человеческого роста. Увидев Ануара, снова окруженного телохранителями, он указал на него острием Вальдевула и в таком положении плавно заскользил над головами бегущих. С высоты в две сажени он осыпал кучку всадников Огненной пылью; дико кричащие, сжигаемые заживо люди падали из седел под копыта бегущих коней. Ануар остался невредим. Повернув коня, он сорвал с головы шлем и поднял лицо, чтобы направить на ненавистного колдуна полный горькой, безнадежной ненависти взгляд. Он даже плюнул, но ветер отнес плевок далеко в сторону. Глаза Ануара наполнились слезами. Воздев руки, он потрясал сжатыми кулаками до тех пор, пока Сорген одним ударом

не отсек их вместе с головой. Затем, схватив ее за волосы, черные, густые и длинные, колдун стал носиться в небе над бегущими воинами, окропляя их каплями княжеской крови.

Наемники потрясали мечами, приветствуя своего господина и разделяя его злое торжество. Каждый из них уже насытился убийствами и прекратил преследование. Победа была полной и почти бескровной для войска Соргена.

Полторы тысячи сурахийцев во главе с Ануаром полегли на поле битвы, не сумев уничтожить ни одного врага. Правда, один гвардеец Халаина, неудачно упавший во время паники, раскроил себе голову о камень и умер... Еще несколько человек получили раны, но никто не пострадал серьезно. Сурахийское войско бежало без оглядки, однако Сорген с помощью Дудочки вызвал демона по имени Живой Вихрь. Тот вволю порезвился, поднимая визжащих от ужаса солдат в воздух десятками. Гулко хохоча, демон бросал людей о землю с высоты в десять сажень, вращал с бешеной скоростью или сталкивал друг с другом. Долго за пределами луга слышались стук, крики о помощи, мелькали летящие тела.

К вечеру дня избиение окончилось. Сорген с трудом заставил Живой Вихрь отправиться обратно в Западную пустыню, где тот обитал; уцелевшие враги сдались на милость победителей. В это время brave гвардейцы Халаина бродили среди многочисленных трупов в поисках добычи. Они согласились оторваться от своего занятия с гораздо большим рвением, нежели демон – стоило лишь взглянуть в лицо волшебника, чтобы понять: он шутить не будет. Заставив гвардейцев охранять длинную колонну пленных, Сорген вместе с князем и наемниками первым вошел в Сурахию. У ворот Халаин, разом вернувший всю свою спесь, которая в последний месяц слезала с него день за днем, словно змеиные шкуры, пытался вернуть себе место на носилках.

– Я правитель этого города! Я должен войти в него подобающим образом, а не трястись в седле, как дрянной солдатишка!

– Я могу уступить тебе паланкин, – зловеще ответил Сорген. – Но только в том случае, если ты будешь умирать. Согласен? Это будет запоминающийся триумф: князь Халаин въезжает в родной город, чтобы скончаться счастливым! Ну, как?

Играя желваками, Халаин опустил лицо, сгорбился и отъехал в сторону. Легкая, недобрая и многообещающая усмешка скользнула по губам князя – Сорген смерил своего работодателя презрительным взглядом и тоже скривился в ухмылке. Крыса решила укусить позже, подумал он про себя. Ну что ж, пусть бережет зубки.

Поздним вечером торжествующие победители расположились на отдых в княжеском дворце. Пленных распустили по домам, предварительно записав имена для последующих экзекуций, на которые велели явиться через неделю. В городе, несмотря на стремительно приближающуюся ночь, не стихали вой и плач – матери и жены оплакивали многочисленных убитых в бою воинов.

Халаин бродил по дворцу, громко проклиная Ануара. Тот не только растратил казну, но и продал многие предметы роскоши, и вернувшийся князь стенал по этому поводу не хуже какой-нибудь свежеспеченной вдовы. Сорген забрался в самую дальнюю из княжеских спален и спокойно уснул под охраной Хака и Лимбула.

На следующее утро волшебник в своем тонком халате из лучшего хлопка вышел из комнаты со сферическим потолком, где ночевал. По давней привычке его потянуло наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Отодвинув тяжелые бордовые портьеры, он прошел на громадный балкон с гранитной балюстрадой.

Внизу уже кипела жизнь: группа садовников ухаживала за гигантским деревом неизвестной Соргену породы. Ствол вряд ли смогли бы обхватить десять человек, взявшиеся за руки; крона закрывала от солнца половину главной городской площади. Макушка устремлялась в небо саженей на сорок, не меньше. Формой кроны дерево напоминало вездесущий кипарис, однако на ветвях трепетали широкие листья нежного зеленого цвета. Сотни птиц, щебеча на все лады, встречали солнце. Сорген сумел заметить даже пару белок, скачущих в густых зарослях и дремлющую в сумраке, около ствола, сову.

Княжеский дворец от площади не отделял ни двор, ни изгородь. Словно мыс, центральное здание выдавалось далеко вперед, к дереву. Видимо, с балкона, поддерживаемого каменными великанами могучего телосложения, князя красовались перед толпами по праздникам. Желтые солнечные лучи, в двух местах пробившиеся через крону Великого древа, отразились от золотистых шпилей, в беспорядке настроенных на крыше дворца. У основания белых стен гнезился сумрак, а в прудах, устроенных по обеим сторонам «мыса», квакали лягушки.

Какой-то мальчишка, голый по пояс, подбежал к балкону Соргена и стал кричать:

– Прикажите мне принести вам вина! Рыбы! Фруктов! Господи-и-ин!

Сорген не удостоил его даже взглядом: внимание его привлекли две дамы в пышных платьях со шлейфами, пересекавшие площадь в паланкине с креслами. Мальчишка покричал еще немного, с убывающим пылом, потом пробурчал невнятное ругательство и вприпрыжку побежал прочь. Однако, спокойно любоваться красотами Сурахии дальше Соргену не дали.

– Эй, чего ты тут делаешь? – грубо окликнул кто-то сзади. Сорген обернулся и увидел одного из гвардейцев; тот узнал волшебника и немного побледнел. Тем не менее, нахальное выражение его лица с надутыми от важности щеками и нахмуренными крашеными бровями, не изменилось. – Это княжеский балкон. Ты... вы не имеете права здесь находиться!

Сорген спокойно облокотился на перила и стал разглядывать наглеца. Вояка был разряжен в пух и прах: понять, из чего сшили его короткую куртку, было невозможно, потому как золотое и серебряное шитье заслоняли ткань. Тюрбан при малейшем движении откликнулся брэнчанием позолоченных цепочек и подвесок, а узкие штаны украшали лампасы из мелких жемчужин.

– Разве я не лучший друг князя? – пробормотал наконец Сорген. Гвардеец уже стал багроветь, ожидая его реакции на окрик. Задохнувшись, сурахиец потряс кулаком над своим плечом.

– Ты... ты, низкородный выскочка! Князь тебе не друг, а господин, которому ты должен служить!

– Вот как? Это он тебе сказал? – задумчиво сказал Сорген и поднял собранные в щепоть пальцы правой руки на уровень глаз, чтобы полюбоваться зловещим багровым огнем, плясавшим у кончиков холеных ногтей. Гвардеец громко икнул от страха и мгновенно потерял всю спесь. Сгорбившись, он попятился и исчез за портьерами. Багровый огонь превратился в бабочку с бархатистыми крыльями. Трепеща ими, она исчезла за перилами, провожаемая улыбкой Соргена. Пожав плечами, колдун вернулся к созерцанию. Желто-розовое солнце полностью выползло из-за высокого серого дома с остроконечной крышей и множеством вяло шевелящихся флюгеров. С моря дул едва заметный бриз, сгонявший с прибрежных улиц полупрозрачный туман. Воздух, свежий, прохладный ласкал кожу и шевелил волосы колдуна. Появившееся было раздражение тут же исчезло без следа, словно уличная дымка. Совсем как в какой-нибудь деревне, вдали кричали петухи и брехали собаки; у пристани устроили гвалт чайки, которые дрались за требуху, вываленную на берегу. Из улиц, впадающих в площадь, выходили редкие фигуры, нагруженные тюками и коробами, скрипела телега, влекомая понурым мулом. За Великим Древом была огорожена рыночная площадь, куда все и направлялись с утра пораньше. Пока за забором высотой по пояс человеку было пусто, только бродил колченогий зевающий сторож с колотушкой и погасшим фонарем.

Сзади послышались быстрые уверенные шаги. Кто бы это мог быть? Сорген задумчиво нахмурился и провел пальцем по верхней губе. Еще один служака? Ах нет, это благоухание долго еще будет преследовать его в воспоминаниях... Но как изменилась походка! Очевидно, дворцовый воздух благотворно влияет на владык. Сорген резко развернулся: Халаин стоял у самой портьеры и не шелохнулся. Не то что раньше, когда он дергался от любой мелочи. Кажется, он стал выглядеть совсем по-другому. Полмесяца подряд рядом с Соргеном ошивался туповатый здоровяк, похожий на маменькиного сыночка, вечно ноющий, источающий уныние и унижение. Теперь никто не узнал бы в надменном князе в великолепном сюртуке с длинными фалдами и золотистых панталонах того жалкого нытика. Царственная осанка, гордая посадка головы, которую венчает крылатая корона. Острый длинный нос нацелен на собеседника, глаза смотрят в сторону, выражая презрение, губы плотно сжаты и чуть искривлены... Прямо картинка из учебника для настоящих правителей!

Когда Сорген повернулся к Халаину, тот немедленно принял петушиную позу: выпятил грудь, расставил ноги, уперся руками в бока. Эх, хвоста ему не хватает! – подумал Сорген и прикинул, не исправить ли этот недостаток немедленно?

– Экий ты невоспитанный, колдун! – процедил князь сквозь зубы. Голос был тихий и ленивый. – Даже жена правителя не может слоняться по дворцу без разрешения, а уж тем более выходить на балкон без супруга.

– Я ведь тебе не жена, – пожал плечами Сорген, стараясь не язвить и говорить спокойно. Тем не менее, он едва сдерживал смех. Халаин покраснел и стал похож на петуха еще больше, даже дернул ногой, будто рыл землю. Если бы он сейчас раскукарекался, Сорген ни капли не удивился бы. Однако, к его великому изумлению, князь вдруг опустил плечи, нервно дернул свою бородку и принужденно улыбнулся. Из-за маски государя выглянул прежний Халаин, смешной и жалкий.

– Да... да. Ты можешь себе позволить вольности, – сказал князь, мелко кивая головой. На лице у него промелькнули несколько разных выражений: сначала горестная, искаженная гримаса, потом натянутая строгость, а под конец – какая-то нелепая радость, словно он вспомнил о чем-то очень хорошем. Халаин суматошно взмахнул рукой, словно хотел подарить Соргену весь дворец, но в последний момент спохватился. – Ты славно поработал... гм, заслужил почести и уважение.

– И деньги – не забыл? – вежливо напомнил Сорген.

– Да-да, как же. Я уже был в сокровищнице.

– И как там дела?

– О... Очень плохо. Ануар отнесся к казне чрезвычайно расточительно.

– Но ты не намерен отказываться от нашего договора?

– Что? Нет. Нет! Как ты мог так подумать! – Халаин отчаянно замахал руками, словно у него загорелись полы сюртука. – Проклятье Наодима на голову узурпатора... но я выполню обязательства, чего бы мне это не стоило. Вот, ты заставляешь князя оправдываться!

Халаин капризно надул щеки и отвернулся. Разглядывая портьеру, он загадочно добавил:

– Ты получишь все, чего заслужил. Сполна!

Сорген запрокинул голову и беззвучно рассмеялся; когда Халаин повернул к нему лицо, колдун опять был серьезен и недвижим.

– Я попросил бы тебя поторопиться. Сурахия – красивый город, но я не собираюсь задерживаться у тебя надолго. Наверное, тебе от этого будет только легче?

– Да нет! Можешь гостить во дворце, сколько угодно! – Халаин снова замахал руками. Сощурившись, Сорген придумал новое сравнение: сейчас князь походил на девицу, отмахивающуюся от осы. – Я должен покинуть тебя. Приглашаю на трапезу в честь нашей великой победы. Одень что-нибудь подходящее.

– У меня нет особых одежд для пиршеств – потому как я очень редко в них участвую.

– Да?

– Точно так. Омою руки и приду. Ступай, Халаин, я не заставлю тебя ждать.

Князь скривился и глаза у него забегали из стороны в сторону.

– Ахм... Сорген, я прошу тебя! Не нужно называть меня так. Теперь я господин или Ваше величество.

– Как вам будет угодно, Ваше величество! – Сорген глубоко поклонился, чтобы скрыть насмешку в глазах. Халаин удовлетворенно хмыкнул и пошел прочь.

Потолок в малой обеденной зале находился на высоте всего пары человеческих ростов. Он был совершенно черным, с хрустальными звездами, посаженными на белую основу. Сорген оценивал картину несколько мгновений, и нашел ее чересчур искусственной. Видно, мастера были лишены таланта, или освещение было неправильным? В центре куполообразного потолка висела небольшая люстра с магическими свечами; разделенные ею, среди звезд были нарисованы две фигуры. Одна принадлежала сияющему золотому мужчине с гордым профилем. Заложив руки за спину он выгнулся дугой и, кажется, улетал прочь от второй фигуры – бледной тонкой женщины с круглым лицом. Крупные слезы текли по пухлым щекам девушки, а похожие на веточки руки тянулись вслед улетающему мужчине. Несомненно, это была иллюстрация легенды о сбежавшем муже-Солнце и догоняющей его жене-Луне. Жена удалась художнику на славу: Сорген еще не видел более печального и измученного лица. Вглядевшись, он вздрогнул и затаил дыхание. Лицо, да и вся фигурка Луны до боли напоминала Призрака, явившегося Соргену в Вейдзале. «Я – Луна!», сказала призрачная девушка. Что же она имела в виду? Разве он похож на этого надутого дурака, что бежит от несчастной жены? Ах, что гадать, ведь понятно, что призрак не имел в виду именно убегание. Наверное, речь шла о том, что Сорген отдаляется от нее, уходит все дальше от того идеала, о котором плачет привидение. Горько усмехнувшись, молодой маг подумал: вчера он точно не сделал шага обратно, к плачущей «луне», когда перебил такое множество народа. Почему-то воспоминания о битве причинили ему боль, словно там погибли его друзья. Внутри все забурлило от злобы и Сорген, сжав кулаки, окинул взглядом обеденный зал.

Халаин сидел во главе длинного стола из тяжелого и мрачного черного дерева. Кресло его походило на громадную гору подушек; вместо сюртука и тесных штанов князь надел халат и шаровары. Едва ли не впервые Сорген его видел без головного убора. Волосы у властителя Сурахии были редкие и тусклые. Глаза Халаина, неотрывно следящие за каждым движением колдуна, лихорадочно блестели. Князь быстро облизнул пересохшие губы и небрежно повел рукой, приглашая Соргена сесть за стол. Тот немного удивился – кроме них, в зале не было ни души, только слуги приносили блюда и исчезали за плотным пологом. Кажется, должно было состояться празднование победы... неужели, кроме них двоих этой победе некому радоваться? К тому же, прибор Соргена стоял по левую руку от Халаина, в трех креслах от него. Очевидно, месть за то, что он без спроса вышел на балкон?

– Удивлен? – криво улыбнулся князь, кивая на стол. – Думал, будет пышный пир, да? Я слышал, будто колдуны не дураки выпить, но у меня нет денег, чтобы устраивать обширные торжества. Только я и ты – те, кто больше всего заслужил праздника. Садись, садись! Я велел принести кувшин крепкого вина из дворцового погреба; он стоял в ожидании своей участи полсотни лет.

Сорген медленно прошел к своему месту, простому деревянному стулу с жестким сидением и неудобной спинкой. По дороге он сжимал и разжимал подрагивающие пальцы... Ему

отчаянно хотелось запрыгнуть на столешницу, подбежать к князю и изо всех сил пнуть его в наглуую, ухмыляющуюся рожу. Нет, еще не время. Он осторожно сел на стул и взял бокал с вином, предусмотрительно налитым и подогретым. Аромат был терпкий и сладкий. Так и представлялась нагретая солнцем виноградаина, раздавленная в руке... Сорген глубоко вдохнул запах вина и отпил крошечный глоток.

– Хорошее вино, – сдержанно похвалил он. – Признаться, я боялся, что в Сурахии пьют кукурузную водку.

– Хочешь меня задеть? – гнусно захихикал Халаин. – Не знаю, кто в это случае невежа – ты или я? Сурахийское вино – лучшее в Приморье. А ты... ты вообще-то не должен был пить вперед меня.

– Что, я испортил какой-то ритуал? Нарушил традицию? Или это все глупые идеи насчет того, что первым пригубляет государь?

Халаин снова нехорошо рассмеялся. Дернув бородку, он поглядел в окно, на кружащую на фоне голубых небес чайку.

– Нет, ничего, кроме правил приличия и поведения за столом князя, ты не нарушил. Однако, ты только и делаешь, что нарушаешь все подряд. Я уже не обижаюсь... Ты, очевидно, думаешь, будто твоя помощь ставит тебя вровень со мной? Ну, я не хочу тратить силы, обучая тебя этикету.

– Надо же... Это так любезно с вашей стороны! – буркнул Сорген. Подозрительно поглядев через вино на свет, он еще раз понюхал бокал.

– Сколько времени мы знакомы? – чуть ли не жизнерадостно спросил князь. – Две недели? Три? Ты все время издевался надо мной, демонстрировал свое превосходство, делал все нарочно, чтобы вывести меня из себя.

– Это невинная шалость, – пожал плечами Сорген. Помимо его воли, короткая кривая усмешка скользнула по краешку губ и оживила мрачное лицо.

– Больше так продолжаться не может. Мы должны расстаться, – твердо заключил Халаин. – Но прошу тебя, приступай к трапезе! Вчера ты не соизволил откусать, свалившись спать. Наверное, теперь тебе не терпится отведать этой заливной рыбы? А там, в глубокой чаше, сурахийские пикули – клянусь, ты больше никогда не поешь ничего прекраснее, чем они!

подавая пример, князь первый принялся ковырять вилок в блюде. Впрочем, ел он без аппетита и постоянно поглядывал на Соргена. Тот и в самом деле почувствовал, что есть очень хочется. Рыба была залита каким-то жгучим коричневым соусом, от которого сразу захотелось пить. Пикули тоже оказались острыми, с заметной кислинкой.

– Какие у тебя планы? – вкрадчиво спросил Халаин, подождав, пока Сорген прикончит большую часть рыбыны. – Куда думаешь отправиться?

– Зачем тебе это? – от обилия острой пищи голос колдуна слегка сел, так что он поспешил промочить горло вином.

– Ну... – князь развел руками, а потом сложил их ладонями вместе. – Я должен быть радушным хозяином. Нужно дать тебе провизии на дорогу... может быть, коней?

– Отдай лучше деньги. На них я сам смогу купить себе все, что потребуется.

– Ах, деньги... конечно, – Халаин быстро уткнулся носом в блюдо и стал старательно счищать мясо с толстых, выгнутых ребер рыбы. – После трапезы мы займемся расчетами.

Сорген оставил на своей тарелке только горку костей. Вино он тоже допил, однако жажды не утолил. Вот только, знаменитого кувшина, о котором говорил князь, на столе не было. Все слуги тоже куда-то исчезли.

– Если ты спрашиваешь о том, куда я собираюсь отправиться... – начал Сорген, ощущая в горле сильное жжение. – ... с целью... с целью...

Он отчаянно закашлялся, стараясь прочистить першащее горло, но мало преуспел. В глотку словно вцепилась стальная рука.

– Халаин, дай мне вина! Твой обед слишком острый... у меня перехватывает дыхание!

Князь оторвался от еды и пристально взгляделся в лицо колдуна. Вилку и нож Халаин сжимал так яростно, что побелели костяшки пальцев. Сорген, непрерывно кашляя и будто бы пытаясь выплюнуть из себя пылающий комок, уперся ладонями в стол и склонился все ниже. Лицо его побагровело, на висках вздулись жилы, а по подбородку стекала слюна.

– Ты... ты... ты... – хрипел он, но больше ничего выговорить не мог. Привстав на ноги, он сделал взмах руками, как если бы собирался поплыть. По сторонам полетели, жалобно звеня, бокал, тарелка и чаша; остатки соуса расплзлись по полированному дереву безобразной лужей. Сорген дернул ногами, отбрасывая прочь стул, потом вытянулся, снова согнулся и упал грудью на стол. Ноги его в последний раз дернулись и остались безвольно висеть, упираясь в пол вывернутыми ступнями. Халаин дрожащими руками отложил от себя столовые принадлежности, облизал губы и осторожно поднялся. Со стороны он напоминал испуганного шакала, подбирающегося к туше только что издохшего носорога: жажда вонзится в огромное тело клыки велика, но еще больше страх, который внушал гигант шакалу при жизни. Некоторое время князь стоял у своего кресла, вытягивая шею и внимательно разглядывая неподвижное тело Соргена. Наконец он крадущимися шагами подошел ближе. В глазах разгорался огонь торжества.

– Вот видишь, колдун! – прошептал Халаин дрожащим от возбуждения шепотом. – Я не зря терпел твои насмешки и издевательства. Это того стоило. Ты казался себе очень умным? Сильным? Могучим? А глупый, ничтожный Халаин был просто денежным мешком, который можно безнаказанно ограбить. Где теперь могучий Сорген? Где теперь несчастный Халаин? Разве они не поменялись местами?

Властелин Сурахии громко хлопнул в ладоши – из-за полга тут же появились два гвардейца с обнаженными мечами. Жестом Халаин приказал им убрать оружие.

– Возьмите это нечестивое тело и бросьте его в мусорный костер за пристанью. Все его вещи, все эти гнусные колдовские мешочки и коробочки тоже сожгите; оставьте только меч. Пусть гвардия немедленно нападет на наемников и без жалости перебьет их всех до одного.

Сложив руки на груди, с медленно разгорающейся торжествующей улыбкой, Халаин надменно смотрел на жалкое, скрюченное тело колдуна. Гвардейцы грубо подхватили его под руки и рывком подняли. В тот же самый момент ноги отказались держать князя.

Колдун смеялся, глядя прямо на него своими безумными и злыми глазами.

Один из гвардейцев отлетел вбок, споткнулся о лежащий на боку стул и свалился на пол. Второй резко отшатнулся и упал спиной на столешницу: из груди у него торчала рукоять столового ножа, вонзенного на всю глубину лезвия. Сорген медленно выпрямился, поправляя свой помятый халат и продолжая криво усмехаться самым уголком губ. Халаин стоял, ни жив, ни мертв, и только стена, на которую он оперся спиной, не давала ему упасть.

– Видишь? – спросил Сорген хрипло и потрогал горло. – Я тоже могу играть в твою игру. "Где теперь могучий Халаин?" Ах, в жизни больше не стану жрать ваши пикули... Сейчас мне понадобится, наверное, целая бочка вина.

Князь медленно сползал на пол. Колдун встряхнул плечами и потер затекшую багровым рубцом щеку, на которой он лежал на столе.

– Гримал! – попытался крикнуть он, но вышел только похожий на стон хрип. Раздраженно дернув щекой, Сорген шагнул к столу и потянулся за бокалом Халаина, в котором еще оставалось вино. Затем он крикнул гораздо громче: – Гримал!!

Дверь с грохотом распахнулась, впустив капитана наемников в полном боевом облачении, с мечом в руке. Следом шли два солдата со взведенными арбалетами и цепкими, жестокими взглядами. Гвардеец, валявшийся на полу, имел неосторожность резко подняться на колени и сразу получил стрелу в глаз. Удар был такой сильный, что бедняге сломало шею.

Тело, как тряпичная кукла, которую пнули, улетело под стол. Халаин вздрогнул всем телом и сжался в комочек.

– Что с тобой? – насмешливо спросил Сорген. – Что-то пошло не так?

Гримал деловито прикрыл двери, а солдаты с арбалетами заняли позиции в разных концах зала. Сорген нагнулся, заглядывая под стол. С недовольной гримасой он снова повернулся к Халаину:

– Где же вино? Неужто ты велел унести его в подвал, жмот?

– Я... я велю принести его обратно! – пискнул тот, подпрыгивая при каждом слове, словно ластящаяся к хозяину собачонка. Сорген медленно покачал головой. Он сел на стол, уперся рукой в колено и стал пристально смотреть на князя, будто думал, что же с ним делать.

– Э, нет... Твоя услужливость, как оказывается, опасная штука. Кто знает, вдруг ты опять решишь поиграть в отравителя?

– О чем ты? – голос Халаина срывался на каждом звуке. Он едва выговорил слова, борясь с заиканием.

– Не нужно быть таким глупым, князь. Ты проиграл, теперь надо иметь мужество, чтобы признаться в этом.

– В чем? О, Сорген, я просто подумал, что тебе стало плохо и хотел... хотел...

– Я слышал, ты говорил что-то о мусорном костре. Так у вас лечат отравления?

– Нет! Ты просто не так понял... я хотел... я имел в виду, что надо выбросить негодное блюдо...

– Ну, полно, Ваше величество! Я ведь лежал только на одном ухе, так что вторым все прекрасно слышал. Кроме того, мне давно все известно. С того самого дня, когда я согласился тебе помочь... Именно тогда, за ужином, твой человек капнул мне яду в суп. Ты, наверное, гордился своей хитростью и изворотливостью, правда? Это был яд, добытый из инзора. Я, глупый иностранец, не мог знать, что в Приморье есть такая отравка, которая ни за что не действует, пока не соединится еще с одним компонентом. Он содержится в мясе белой жарги, которую я только что съел... Но ты зря считал, будто другие не могут перехитрить тебя. Я слишком долго прожил в ваших краях, столь славных своими отравителями и подлецами. Я принимал противоядие каждый день и теперь белая жарга для меня не вреднее, чем для тебя. Эх, Халаин! Тебя погубило самомнение. А также жадность и десяток других твоих пороков, которые оказались слишком большим грузом для скудного ума. Я славно повеселился сейчас, несмотря на некоторое неудобство... Хорошо, что не дал волю чувствам и не прикончил тебя сразу, быстро и скучно.

– Ты – Великий!! – завопил Халаин и бросился в ноги Соргена, подметая коротенькой бородой пол. – Все, все правда! Я не знал! Я не мог предположить, сколь велико на самом деле твое могущество... Прости меня, прости, умоляю и заклинаю!!! Пусть величие твоей мудрости сравнится только с твоим милосердием!

– Я лишен этой добродетели так же, как и хвоста или раздвоенного языка! – со смехом ответил Сорген. Князь продолжал валяться на полу, вертя задницей и заглядывая в лицо колдуна. Для этого ему приходилось изгибаться всем телом.

– Прости меня! Накажи меня! Забирай все богатства! Прикажи висечь!! Что угодно, только не лишай жизни...

– Я Черный маг, Халаин! – проникновенно сказал Сорген, наклонившись к ползающему князю. – Может, ты слышал? Мы не способны дарить жизнь. Только смерть.

– Нет!! – Халаин проворно отполз в сторону и попытался вскочить на ноги. При этом он истошно вопил: – Стража!!! Стража!! На помощь!!

Сорген одним прыжком настиг его и пинком сбил обратно на пол. Князь заскулил и забился под стол. Колдун присел на корточки и поглядел на трясущегося Халаина с интересом лиса, оценивающего упитанность загнанного в тупик кролика.

– Скажи мне честно, вот если бы я покушался на твою жизнь, а ты победил меня... что бы ты со мной сделал?

– Я... я отпустил бы тебя на все четыре стороны!

– Ха-ха! Ты сам веришь в это? Впрочем, от страха мозги набекрень, – почти добродушно покачал головой колдун.

– Это правда! Правда! Чистая правда! – завопил Халаин, высовываясь из-под стола для каждого нового выкрика и потом ныряя обратно. Сорген тяжело вздохнул и поднялся на ноги. Сделав знак Грималу, он неспешно прошел к княжескому креслу и удобно в нем устроился. Капитан приблизился к столу и запустил руку под столешницу. Раздался визг: князь на карачках выполз с другой стороны и бросился к окну. Сорген выкрикнул слова Каменного заклатья и Халаин застыл на бегу; на мгновение показалось, что его глаза сейчас выскочат из орбит и продолжают путь самостоятельно. Гримал неторопливо обошел стол вокруг и приблизился к Халаину вплотную. Сорген снял заклатье; капитан крепко ухватил князя, отчаянно цеплявшего его рукава, левой рукой за ворот и повернул его лицом к колдуну.

– Эй, убери свои лапы, а не то мне придется их отрубить! – прорычал наемник.

– Пощады, пощады! – задушено шептал Халаин. Слезы ручьем лились по его щекам, покрытым красными пятнами; борода была выпачкана пылью, одежда порвалась. – Ты ведь пил вчера мое вино! Ел мой хлеб!

– Спасибо, – прогудел Гримал. – Это тебя удовлетворит? Большого дать не могу.

Одним могучим рывком он опрокинул немаленькое тело князя на стол и распластал его там. Солдаты с арбалетами отложили свое оружие, приблизились к столу и стали держать Халаина за ноги и руки. Тот уже не сопротивлялся, только жалобно хныкал, по очереди обращая полные слез и безмолвной мольбы глаза то к одному мучителю, то к другому.

– Ты не услышал шагов смерти! – торжественно сказал Гримал. – Зачем тебе уши?

Двумя быстрыми и точными движениями он отсек уши Халаина. Они упали на столешницу, сопровождаемые потоками крови и истошными воплями. Князь задергался, пытаясь вырваться из рук солдат, но Гримал легко успокоил его, двинув наверху меч по лбу.

– Пощады! Пощады! – скулил Халаин едва слышно.

– Ты не увидел приближения смерти, – ответил ему капитан. – Зачем тебе глаза?

Ухватив князя за редкие волосы, Гримал выколол ему глаза. Халаин извивался, как разрезанный червяк и тонко визжал; тело его сотрясали волны крупной дрожи. Глазницы быстро наполнились черной кровью, в которой плавали мутные остатки глазного яблока. Князь выл и ревел, не хуже буйного сумасшедшего, попавшего на привязь и пытающегося вырваться. Брызги крови летели от его изуродованной головы во все стороны.

– Итак, ты не увидел смерти! – продолжал Гримал, повысив голос. – Она пришла, и теперь ты мертв. Зачем мертвецу сердце?

В руках капитана вместо меча оказался Цветок – круглая рамка с четырьмя острыми треугольными лепестками, которые с помощью тонких проволочных тяг складывались вместе напоподобие бутона. Коротко размахнувшись, Гримал глубоко вонзил устрашающее орудие в грудь жертвы, нажал на рычаг, раздвигая, разрывая кости и плоть. Тело князя выгнулось дугой: в последнем усилии руки и ноги вырвались из плена – но было поздно. В следующий момент Халаин был мертв. Обмякшие члены со стуком ударились о столешницу, а Цветок появился наружу, густо покрытый кровью и зажимающий в лепестках, больше похожих теперь на зубы, добычу. Сердце, которое в последний раз сжалось, выплевывая струю крови. Сплющенный, мерзкий с виду мешок мышц, который глупые мечтатели наделяют разными романтическими качествами.

– Да содрогнутся враги! – почтительно сказал Гримал, внимательно глядя на Соргена. Тот задумчиво подпер кулаком подбородок. Пристально всматриваясь в громадную лужу крови, расплзающуюся по черному дереву, вязко скатывающуюся через край на пол, он думал о том,

что опять все сделал не так, как хотел бы Призрак. Он снова бросился убегать! Впрочем, какая теперь разница. Ей все равно не догнать.

– Сколько крови, – пробормотал он едва слышно.

– Если режешь свинью – надевай фартук, – нравоучительно заметил Гримал. – Пойду, отдам сердце Хаку. Когда вы будете готовить из него зелье?

– Позже, – Сорген вяло взмахнул рукой. Он чувствовал себя разбитым и страшно усталым, словно встал с постели не два часа назад, а позавчера, и больше не ложился. Все это казалось веселым, но воспоминание о Призраке испортило радость. Теперь Сорген хотел как можно скорее покинуть Сурахию и найти себе какое-нибудь важное дело.

Зов с севера

Вопящие слуги разбежались из дворца кто куда, твердо уверенные, что жестокий колдун собирается убить их всех до одного. Под Приветственным Балконом валялись тела гвардейцев, пробитые арбалетными стрелами и похожие на раскиданные капризным ребенком игрушки. Возбужденный народ толпился поодаль, гудя и колыхаясь, как рой рассерженных пчел. Носильщики, торговцы, водоносы, садовники и крестьяне одинаково гневно и опасно смотрели на непотребства, творящиеся в княжеской вотчине.

Сорген в шлеме и алой накидке стоял, опершись локтями на балюстраду.

– Чем вы недовольны? – раздраженно воскликнул он, обращаясь к толпе. Усиленный заклинанием голос взмыл над площадью и своей силой заставил собравшихся отшатнуться – но ненадолго. Толпа тут же прянула обратно, ворча:

– Ты безжалостный убийца! Подлый захватчик трона! Предатель! Гнусный колдун! – понеслись выкрики из задних рядов.

– Вы позволите ответить на эти обвинения? – спросил Сорген с едким сарказмом. Его слова опять заглушили гомон толпы, однако услышаны не были. Оскалившись, как волк, колдун подался вперед, нависая над балконной оградкой. – Глупцы! Я ведь только что спас сотни из вас! В комнатах советников найдены многочисленные списки людей, подлежащих казням.

– Убийца! Предатель! Мы не подчинимся тебе! – продолжала выкрикивать толпа.

– Мне не нужен ваш трон, болваны! – закричал Сорген.

– Проклятье тебе! Сколько крови ты пролил!!

– Тогда возрадуйтесь – я уйду. Только не вздумайте мешать мне и даже приближаться, чтобы не дать новых поводов для обвинений в жестокости и кровожадности.

– Наодим покарает тебя! Будь ты проклят!

– И вам того же.

Зло дернув полы плаща, которые ветер норовил поймать и завернуть на голову, Сорген быстро повернулся и исчез в глубине дворца.

– Болваны! – бормотал он Лимбулу, который семенил рядом. – Нашли для себя прекрасный жупел в моем лице. Помяни мое слово, мальчик: через несколько лет здесь забудут злодеяния и прегрешения обоих князей. Останется один кошмарный демон – я. Халаин и Ануар станут мучениками, погибшими в борьбе с чудовищем, а счастливчик, которому удастся занять престол, будет объявлен героем и избавителем.

– Отчего же все так происходит? – воскликнул Лимбул. – Это несправедливо! Ты мог разъяснить им все от начала до конца, чтобы они не придумывали небылиц.

– Зачем? – пожал плечами Сорген и криво ухмыльнулся. – Нужно ли мне это? Я взял остатки денег из княжеской казны – меньше, чем та сумма, на которую мы договаривались с Халаином, но все же достаточно для моего аппетита. Слава, хорошая или дурная, меня ни капли не заботит. Тем более, что князю эта перемена роли счастья не добавит. Он отправился в их местный Ад. Знаешь, как он выглядит?

– Нет, Мастер!

– Туманными ночами грешники таскают тяжеленные бадьи с водой из горных пещер в море, чтобы оно не пересохло.

– А это правда?

– Кто знает? У меня не было времени проверить. Но сдаётся мне, что если бы так оно и было, море давно вышло бы из берегов и затопило все эти мерзкие городишки. Пойдем, ни мгновения больше не хочу задерживаться в Сурахии! Надо быстрее покинуть ее.

– Куда направимся? – спросил вышедший навстречу из боковой двери Гримал. – Внутренний двор очищен от разной шелупони. Правда, они не особо сопротивлялись – только руга-

лись уж больно заковыристо. Сундуки опорожнены, сумки набиты, припасы собраны, кони оседланы.

Сорген молча сделал знак рукой, призывая следовать за собой. Он спустился по широкой гранитной лестнице, на каждой ступени которой стояли по две кадки с мясистыми растениями, названия которых колдун не знал. Гроздь мелких цветков самых разных оттенков синего и сиреневого украшали стволы и наполняли воздух приятным терпким ароматом. Во дворе было пусто – ни людей, ни животных. Только на той стороне, ближе к воротам, у конюшен толпились наемники, а у хозяйственных построек валялись брошенные, как попало ведра, тазы, метлы и мешки. Поджарый пегий кот лежал в тени стены и, прищурившись, разглядывал прыгавших в пыли воробьев, которые подбирали рассыпанное зерно. Животное казалось расслабленным и равнодушным, однако кончик его хвоста нервно подергивался из стороны в сторону. Готов к удару, если глупые птицы дадут повод, подобравшись слишком близко, – подумал Сорген. – Я должен быть таким же. Испуг толпы легко перерождается в безумную, никем не контролируемую ярость, от которой трудно спастись. Нужно иметь на этот случай пару трюков в запасе...

Сжимающие в руках оружие наемники были готовы к отъезду в тот же момент, когда их предводитель взобрался в седло. Четверо самых доверенных бойцов плотно окружали лошадь, груженую золотом.

– Если мы отправимся в Вейдзал, перепуганный слухами Ирдел может выслать против нас армию. Опять бойня под этим дурацким палящим солнцем, – Сорген говорил, ни к кому не обращаясь, просто рассуждал вслух. – Я устал. Поедем на север, там сплошные леса и заброшенные города. Очень мало людей – как раз то, что нам сейчас нужно.

Никто, естественно, не возражал, хотя отправляться в край заброшенных городов, издавна славивших местом проклятым, наемники вряд ли рвались. Выбравшись из-за дворцовой ограды, отряд ринулся по площади на виду у колышущейся толпы. Кажется, она поредела, а благородная ярость горожан и крестьян, перекипев, испарилась и ни к чему не привела. Кто-то пытался кричать проклятия и грозить кулаками удалявшимся чужакам, однако те равнодушно скакали прочь и не оборачивались. Впрочем, Лимбул не преминул сказать на скаку:

– Мастер! Ты слишком добр к ним! Нужно было как следует поучить дураков.

– В этом не было необходимости, – возразил Сорген. – Думаешь, я получу большое удовольствие, сжигая их хибары и раздирая на половинки младенцев? Напрасная трата сил и времени. Никого ни в чем такими действиями не убедишь, ибо помыслы толпы управляются не грубой силой. Научить ее чему-то кроме ненависти и страха, можно только долгим и кропотливым трудом. Согласись, страха в них и так довольно! Если перебить всех, будет ли это значить, что я «научил» их почтению и правильному пониманию происшедшего? Глупо говорить об обучении мертвецов.

– Убить одних, чтобы проучить других, – неуверенно начал Лимбул, но Сорген одернул его:

– Заткнись! Тебе пока рано рассуждать о таких материях. Оставим баранов в собственном стаде. Свои хозяева, забивающие сотни сородичей каждую осень, чтобы ублажить какого-нибудь божка и оставить мясо гнить на алтаре, всегда милее волка, зарезавшего пару овец из крайней необходимости голода.

– Значит мы – волки?

– Тебе нравится этот зверь, Лимбул?

– Не знаю... В моей деревне его вряд ли кто-то любил.

– Плевать на твою деревню и все деревни мира. Я спрашиваю тебя!

– Тогда да, Мастер! – глаза Лимбула загорелись. – Волк силен и независим. Он охотник, а не безответная жертва!

– Волк туп. Он позволяет загнать себя сборищу трусов с трещотками прямо на жирного аристократа с арбалетом, который сидит в кресле и ждет. Не нужно выдумывать себе тотемов.

Мы – люди, вершина этого мира, если не брать в расчет богов. Выброси из головы сравнения с животными, парень. Тот пример с овцами – только для красного словца.

– Но, Мастер! Тогда я ничего не понимаю...

– Со временем поймешь. Всякое сравнение с низшим созданием унижительно для того, кто стремится к совершенству и величию.

Улицы, казалось, стремились сжаться и раздавить чужаков, скачущих по ним плотной группой. Большие дома и мостовая сменились глинобитными стенами, от подножий которых торчали чахлые ветки пыльных акаций. Ни дверей, ни окон – только редкие крошечные калитки, наглухо закрытые. Зловоние из сточных канав, палящее солнце и ненависть, струящаяся к небесам вместе с дрожащим воздухом.

За мостом через пересохший ручей, после десятка небольших вилл, окруженных аккуратными садами, сразу начался настоящий лес – дикие каштаны, заросли розовых акаций, редкие и величавые кедры и плотные группы низкорослых кустов с множеством треугольных листьев. Стволы баньянов росли связками, будто под землей кто-то глубоко закопал громадные веники; на небольшом пространстве от подлеска до дороги торчали редкие кустики багульника.

Потом стена леса вдруг отошла в сторону, на некоторое время сменившись возделанными полями с густыми зарослями бобов, чечевицы и цветущей гречихи. Поодаль поднимался склон холма, на котором располагалась плантация винограда, а рядом виднелись соломенные крыши небольшой деревеньки. Ястреб, распластав крылья, кружил где-то у самого солнца, равнодушный к волнам исторгаемого светилом жара...

Сорген, расслабив напряженное тело, подставил лицо теплему ветру и прикрыл глаза. Чем дальше от людей, тем лучше он себя чувствовал. Уже несколько лет, после своего прибытия в эти жаркие места, он не останавливался, постоянно двигаясь куда-то. Долгая остановка пугала, городки и деревни внушали отвращение и навевали чудовищную скуку. Только в дороге, ведущей к познанию новых истин или хотя бы к новым приключениям, неважно какого свойства, Сорген находил удовлетворение. Только таким, по его разумению, должен быть настоящий, высший человек. Как могучая река, которая никогда не останавливается, которую ничто не задерживает, которой плевать, что происходит на ее берегах. Лишь в дороге космическое равновесие во Вселенной по имени «Сорген» восстанавливалось.

На пятый день пути, к вечеру, после небольшого обеда на вершине голого холма в окружении тополиных рощ, они встретили одинокого всадника. Одежды его были серо-желтыми от въевшейся пыли, а некогда блестящие стальные застёжки плаща в виде рыб поблекли. Опустив плечи и глаза, усталый путник равнодушно вглядывался в дорогу под копытами своего коня.

Поравнявшись с отрядом, всадник поднял красивое, измученное лицо.

– Досточтимые господа! – хрипло воскликнул он, шаря взглядом по настороженным наемникам. – Не скажете ли вы, дороги какой страны покрывают пылью мои одежды?

Некоторые солдаты грубо расхохотались в ответ, признав по речи аристократа.

– Что за манера говорить! Что за зрелище! Уж не баба ли в штанах этот красавчик? – раздалась выкрики. Впрочем, наемники не забывали оглядываться, чтобы посмотреть на хозяина и понять, как им следует себя вести. Всадник молча и скорбно ждал ответа; взгляд его снова переместился на дорогу. Наемники, не останавливаясь, проезжали мимо него, мерили презрительными взглядами и криво ухмылялись. Ветер теребил спутанные кудри всадника и шевелил кружевной воротник на шее.

– Это Сурахия, – буркнул наконец один из солдат, старый и покрытый шрамами вояка по имени Берик Седал Дирой. – И уж вряд ли тебе здесь сейчас будут рады, несмотря на красивые слова.

– Спасибо тебе, добрый человек, – ответил всадник, несколько приободрившись и поглядев на Берика. – Однако, я должен ехать, несмотря ни на что, как ехал уже долгие дни – до тех пор, пока не найду нужного мне человека.

– Кого же ты ищешь? – спросил Сорген, оказавшийся к тому времени поблизости с путником и с любопытством разглядывавший его изможденные дорогой черты.

– Всех, кто мне встречается, я спрашиваю, не встречались ли они с человеком по имени Сорген. Кто-то отрицательно качал головой, кто-то говорил мне: "На юге" и я ехал дальше.

– Тогда считай, что ты добрался до юга, потому как вот он я, перед тобой!

Слабая улыбка возникла на лице всадника. Он восторженно и принялся разворачивать коня, чтобы поехать вслед за миновавшим его Соргеном. Наемники принялись оглядываться, впиваясь в незнакомца подозрительными взглядами.

– Приветствую тебя! – слабо воскликнул всадник, обращаясь к спине волшебника.

– Откуда ты прибыл? Из Буле? – вяло спросил Сорген, не оборачиваясь. Он вытянул далеко вправо руку и услужливый Хак тут же вложил в нее фляжку с водой.

– О нет, путь мой длился гораздо дольше! – горячо заговорил незнакомец. – Я отправился почти что с вашей родины...

– Что? – вскричал Сорген и при этом выплюнул себе на грудь изрядную порцию воды, которую держал во рту. Резко вытерев рукой подбородок, он наконец обернулся в седле и строго поглядел на собеседника. – Ты явился из Энгоарда?

– Не совсем, мой господин. Я выехал из Мейоны – что, согласитесь, гораздо ближе к Империи, чем здешние места.

– И что же за вести ты привез?

– Великий Завоеватель и Маг, перед которым склоняются целые страны, послал меня просить твоей помощи в память о его давнем расположении.

– Кто же это? Как его имя? – подозрительно спросил Сорген, лихорадочно вспоминая, кто бы мог назваться его другом в тех краях. Ответ мог быть только один, и в тот самый момент, когда имя пришло на ум, незнакомец назвал его вслух.

– Ргол, князь Тсуланы и король Мейоны.

– Перстенок?!

Всадник в неподдельном ужасе отпрянул, когда услышал прозвище своего господина.

– Никто, если желает пожить подольше, не смеет называть его так! – сказал несчастный дрожащим голосом.

– Когда я видел его в последний раз, он не был так грозен, – пробормотал Сорген. Задумчиво вздохнув, он натянул поводья и позволил коню собеседника поравняться с Дикарем. – Смотри: вот перстень, который он мне подарил!

Достав из кармашка кольцо из переплетенных змей с желтым топазом, Сорген протянул его незнакомцу. Тот благоговейно прикоснулся к нему одним пальцем, тонким и грязным.

– Слава великому Рголу!

– Чего же он хочет от скромного бродячего колдуна?

– Дословно он велел сказать мне следующее, – всадник расправил плечи, гордо поднял голову и свел вместе шелковистые брови. Осанка, лицо, голос – все неуловимо изменилось. Теперь перед изумленными наемниками сидел в седле не измученный путешествием неженка, а гордый и сильный владыка. Говорил он тихо и плавно, но твердо: – "О, Сорген! Слухи не имеют преград и преодолевают горы. Я вдвойне радуюсь каждому твоему успеху, потому что много лет назад этот триумф был предсказан мной. Теперь пришло время, чтобы слава и величие умножились и распространились на весь мир. Теракет Таце зовет нас в бой против засилья

Белых; я начал с покорения Мейоны, но впереди ждет гораздо более трудная и кровопролитная война. Война против Энгоарда! Я жду, что ты присоединишься ко мне".

– Энгоард... – прошептал Сорген. Старые помыслы, казалось, давно умершие у него внутри, снова наполнили разум и сразу забурлили, заставляя скрипеть зубами и сжимать кулаки. Логово главных его врагов, которое он страстно желал уничтожить, но не имел для этого сил и возможностей. Сорген не мог и помыслить, что мечты вдруг вернуться и станут гораздо ближе к реальности, чем он смел надеяться. Война... Армия... Не глядя, Сорген сунул фляжку обратно Хаку и снова обратился к вестнику.

– Но почему Ргол послал тебя в такой долгий и опасный путь? Отчего он просто не вызвал меня дудочкой?

– Не мне судить о причинах поступков Великого Завоевателя! Однако, я знаю, что не только ты нужен ему, Сорген. Великая война требует великой армии, поэтому Ргол ждет, что ты придешь во главе войска. Он говорил, что тебе придется направиться в страну Рха-Удана. Черный Рогез, что правит там, присоединится к тебе вместе с несколькими союзниками. Вместе вам предстоит перейти через Барьерные горы и наступать на Империю с юга.

– Безумие! – пробормотал Сорген. – Никто не может так просто пройти через Барьерные горы, а тем более – целая армия. Они ведь для того и воздвигнуты, чтобы никто не мог свободно проходить с юга на север и обратно.

– Про это я говорить не могу. Мне велено передать слова Сиятельного князя – и больше ничего. Советовать и спорить я не стану.

– Постой, но если ты проделал путь из Мейоны, то тоже должен был штурмовать горы??

– Нет. Ргол – могучий чародей. Он был так добр ко мне, что потратил одно небывалое заклинание под названием "Волшебный ветер". Оно донесло меня до южных подножий гор.

– Хм... Почему же не дальше, до самого моря?

– То было наказание... – вестник снова сторбился, понурился и превратился в себя прежнего. – Сиятельный князь наказал меня.

– За что?

– За то, что я разонравился ему, мой господин.

– А, – Сорген на мгновение почувствовал себя неловко, а Лимбул, ехавший совсем рядом, непонимающе нахмурился. – Ты был его рабом?

– Да. Он сам создал меня.

– Так ты – не человек?

– Совершенно верно. Я *пордус* по имени Розочка, глиняная кукла. Некоторое время я был очень счастлив, служа Великому Рголу, но теперь у него новый *пордус*, а я был отослан подальше, чтобы не попадаться больше на глаза Сиятельному.

Сорген взглянул на вестника по-новому. Грязное лицо было бледным несмотря на то, что пордус проделал длинный путь под горячим южным солнцем. Прекрасная кожа, которой позавидует лучшая красавица, тонкие, нечеловечески идеальные черты. Живая игрушка, вызванная к жизни только для того, чтобы ублажать отвратительные прихоти Ргола. Этот несчастный достоин всяческой жалости, ибо сам ни капли не виноват в своей незавидной судьбе. Его просто сделали таким, другим он быть не может. Надо будет держать его подальше от солдат, чтобы те не узнали позорных подробностей о Рголе раньше времени.

– Что ты собираешься делать теперь? – спросил Сорген пордуса почти участливо. Тот не заметил перемены в тоне волшебника. Обратив затуманившийся взгляд на северо-запад, вестник протяжно вздохнул.

– Единственно, чего я желал бы, мне делать нельзя ни в коем случае. Дороги назад, ко двору Сиятельного, нет. Жить без него мне просто не хочется... Пока у меня было дело, порученное самим Великим, у меня была какая-то цель существования, но теперь... Жаль, что я не могу умереть.

– Отправляйся с нами и держись ближе ко мне, – велел Сорген, строго посмотрев на Лимбула – но юноша молча хлопал глазами, разглядывая смешного пордуса. Тот грустно улыбнулся.

– Спасибо, мой господин, но я не смогу служить вам. Никто, кроме Великого Ргола не должен дотрагиваться до меня...

– Я не собираюсь тебя трогать! – вспыхнул Сорген, чувствуя – еще немного, и он покраснеет. – Я просто предлагаю присоединиться к моему отряду. Если мы отправляемся на войну, то тебе может по дороге повезти, и тебя убьют. Согласен?

– Ах, вот как!? – при мысли о смерти на войне лицо пордуса озарилось внутренним светом. – О, погибнуть, сражаясь за князя... что может быть прекраснее?

– Вот дурень, – прошептал Лимбул, но пордус его не слышал. Невидящим взором он уставился в неведомые дали и уже видел, наверное, собственную гибель.

– Только имя у тебя не очень подходящее, – буркнул Сорген, не глядя на глупую радость глиняного человека. – Розочка – так лошадей зовут, или коз. Буду звать тебя Луратен, что значит Мотылек, запомнил? Может, оно от Розочки отличается немногим, зато солдаты не поймут. Мотылек – это как раз для тебя. Стремление к жизни у вас примерно одинаковое.

Чувствуя себя болваном, Сорген болезненно скривился и нарочито отвернулся в сторону деревьев на обочине. С какой стати он возится с этим безмозглым созданием? Оставить бы его здесь, предоставленного самому себе. Однако, теперь сожалеть уже поздно: если сказать, что передумал и бросить пордуса на дороге, выглядеть это будет еще глупее. Пусть уж едет. Он, Сорген, достаточно силен и мудр, чтобы выдержать столь нелепое и смехотворное соседство.

В разрушенном городе

К закату они доехали до развилки. Возделанные поля и виноградники на склонах холмов остались позади; сошли на нет объединенные многочисленным скотом луга и убогие деревеньки. Вокруг поднимались плотные зеленые стены буйно растущего под щедрым солнцем леса. Чем ниже садилось светило, тем темнее становилось на дороге, быстро погружавшейся в бурый полумрак. Ветра не было, птицы и звери не подавали голосов, так что отряд двигался в полной тишине, которую прерывали только глухие голоса людей и храпение лошадей.

На распутье требовалось сделать выбор. Оба пути, в конечном счете, могли привести к цели – Рха-Удане на северо-западном берегу моря Наодима. Но дорога, ведущая на север, делала большой крюк, чтобы обойти опасные леса на побережье по узкой полосе степи между морем и горами. Если воспользоваться ею, придется потерять неделю или около того... Ехать там было не так опасно – по крайней мере, путешественникам грозили обычные опасности: шайки разбойников и промышляющие тем же ремеслом отряды кочевников. Смельчака, отправившегося в путь по приморским джунглям ждали, как говорили слухи, полчища враждебных призраков, разнообразные чудовища, нашедшие приют в многочисленных руинах покинутой людьми страны Мирзазе. Покинутой из-за какого-то забытого, но могущественного проклятия, наложенного неизвестно, кем и непонятно, почему. Лишь самые бесшабашные удалыцы решались воспользоваться дорогой через леса; о том, смог ли кто-то из тех смельчаков преодолеть их, слухи умалчивали.

Дорога, прежде широкая и мощеная привезенным из горных выработок камнем, превратилась в заросшую травой, перегороженную нависающими ветвями и упавшими стволами просеку. Кто поджидал самонадеянного путника в чаще? Дикие звери, многочисленные, непуганые и голодные? Если так, то бояться нечего. Какой зверь, пусть даже самый наглый и злой, посмеет напасть на отряд из сорока вооруженных людей? Что же до призраков, порчи и чудовищ... Не глупо ли бояться этих опасностей, если во главе маленькой армии – самый знаменитый в Приморье маг?

Конечно, они предпочли западную дорогу северной и тем же вечером углубились в запретную местность. Солдаты, с детства слышавшие страшные сказки о Мирзазе, не выказывали явного страха, однако разговаривать стали гораздо громче и дольше. Двое передовых, посланных срубить длинными кривыми кинжалами висящие над дорогой плети лиан, постоянно оглядывались. Лица их в сумерках казались бледными, как крылья ночной бабочки.

Вскоре стало совсем темно, но один из солдат заметил впереди странные огни. С глухими испуганными вскриками испытанные воины, прошедшие множество схваток, стали подавать назад и хвататься за амулеты. Сорген сжал коленями бока Дикаря: тот растолкал широкой грудью пятившихся коней наемников и быстро вынес хозяина вперед. Прижав к груди левую руку, молодой волшебник сжал мешочек с самым сильным своим оружием – пеплом древнего мага Ассаха-Звезды. Этот ценный артефакт подарил ему перед самой смертью Рабель.

– *Хоранел дезас инрарем гамер ат демон!* – прошептал Сорген, затем закрыл глаза и повторил эти слова мысленно еще несколько раз. Однако, его эфирный взгляд, простершийся далеко в ночь и готовый призвать витающую в волшебном пространстве энергию, ничего не обнаружил. Настроившись вступить в бой с враждебной магией, Сорген не смог понять, что же такое напугало его воинов? Стряхнув с себя оцепенение, он смело двинулся дальше по дороге, стремясь разглядеть что-то при помощи самого обычного взора. Солдаты за его спиной разразились криками, которые поровну делились на предостерегающие и восхищенные, Сорген проскакал саженей пятьдесят. Вскоре он смог различить во тьме несколько приземистых домишек с тускло освещенными окнами.

Удивлению солдат не было предела. В местности, которую они считали чем-то вроде населенной одними чудовищами волшебной страны, жили люди. Из тридцати домов деревни в двенадцати жили старики, ровно двенадцать пар – ни одной вдовы или вдовца. Самому молодому из мужчин стукнуло семьдесят лет, а его жена родилась на девять лет позже и слыла здесь молодухой. Все старики обладали отнюдь не старческой силой и горланили они не хуже торгашей на рынке. Старухи от них не отставали: выбравшись на улицу, они принялись наперебой зазывать солдат к себе на постой, нахваливать собственную стряпню и мягкие постели. Наемники стояли, раскрывши рты, и изумленно смотрели на этот внезапно собравшийся посреди ночи базар...

Полночи прошло в пьянстве, непрерывных беседах и даже танцах. В конце концов Сорген, непрестанно ожидавший какого-то подвоха, начал успокаивать особенно разгорячившихся солдат, которые готовы были, за неимением лучшего, утащить на сеновал старух помоложе. Даже пьяные, наемники беспрекословно слушались своего командира, которому помогал тяжелый кулак Гримала. Уже под утро последние бузотеры были уложены спать; бодрствовать остались только самые испытанные воины – они почти не пили и сторонились разговоров. Сам Сорген спал плохо и постоянно просыпался, чтобы удостовериться, что старики и старухи не обратились упырями и не сосут кровь из его воинства. Против ожидания, ничего плохого не случилось. На утро весь отряд, с тяжелыми головами, но значительно окрепшим духом, двинулся дальше. В скучном и однообразном походе прошел весь день. Наемники дремали в седле, просыпаясь только для того, чтобы прополоскать горло слабой кукурузной настойкой или пожевать корку хлеба. Те немногие, что не злоупотребили гостеприимством лесной деревни, посмеивались над страдающими товарищами и наперебой издевались над теми глупцами, что сочиняют про эту страну жуткие сказки.

Хак, как всегда, отрешившийся от всех и вся, ловко шил прямо в седле маленькие мешочки для разных волшебных порошков и приспособлений хозяина. Лимбул по своему обыкновению спрашивал Соргена о магии; Луратен, непрестанно вздыхая, тоскливым взглядом уставился в небо на северо-западе.

Больше деревень на пути не попалось. Несколько раз лес редел, показывая за приоткрывшейся завесой ветвей замшелые остатки стен. Из глубины джунглей все чаще слышались похожие на стоны вопли; кто-то трубно рычал, вдалеке слышался треск сучьев, сокрушаемых движущейся напролом тушей какого-то крупного животного. Тени громадных крыльев мелькали в небе над самыми верхушками деревьев. Что это такое было? Звери, невиданные в других местах, демоны, сказочные чудовища вроде стоногого змея Ка? Солдаты непрестанно оглядывались на Соргена, наверняка знавшего ответы на эти животрепещущие вопросы – но маг спокойно покачивался в седле и болтал с Лимбулом.

Снова ночь накрыла их с головами и превратила полузаросшую джунглями дорогу в мрачное ущелье. Со всех сторон, казалось, слышалось хриплое дыхание неведомых чудищ. Теперь Сорген явно ощутил присутствие неких недружелюбно настроенных сил. Бесплотные тени, сливающиеся с ночью, выстроились вдоль дороги с обеих сторон и изливали на людей эманации страха. Невидимые глазу волны ужаса обволакивали дорогу плотной пеленой; она должна была сломить дух, подавить волю к жизни и превратить солдат в перепуганных тушканчиков. Затем, когда люди, вопя от ужаса, разбегутся по джунглям, другие существа – уже вполне осязаемые – набросятся на них и разорвут в клочки.

Это и было таинственным проклятием, наложенным на Мирзазе. Оно не казалось особенно сильным или сложным, но требовало времени для того, чтобы предпринять нужные меры. Сначала Соргену пришлось разобраться с собственными подчиненными, готовыми поддаться панике. Одним коротким словом, с помощью кусочка гранита, он предал весь отряд, за исключением себя, каменному заклятию. Как конные статуи, сорок всадников застыли вдоль дороги и были неспособны даже закричать от страха. Следом Сорген укрыл людей невидимой

защитной стеной: долго продержаться она не смогла бы, но все, что от нее требовалось – помочь выиграть время. Проклятая страна словно почувствовала сопротивление своим усилиям. Близкий рев заставил задрожать кроны деревьев с правой стороны от дороги, а потом затряслась и земля, когда кто-то огромный и массивный бросился в атаку. Гигантские кривые лапы, с трудом различимые в освещенной только звездами ночи, валили стволы молодых баньянов и подминали их под провисшее брюхо. Чудовище с рогатой головой, похожее на обезображенную проказой корову, со всей силы врезалось в невидимый барьер у дороги и опять заревело. Несколько раз подпрыгнув от злости, монстр выдавил в мягкой почве здоровенные ямы; тем временем Сорген нарисовал в темном воздухе сияющий холодным синим пламенем круг. Закрутившись, как колесо, он внезапно сжался в точку, а потом взорвался. Из облака мертвенного сияния рядом с колдуном появился мерцающий силуэт демона Сар-Моэна, тысячу лет назад поклявшегося служить пеплу Ассаха-Звезды. В мгновение ока демон бросился на беснующегося рогатого монстра и четырьмя руками разорвал его на четыре куска, которые бросил по четырем сторонам света. Обождав, пока вызванный демон вернется обратно, в свое логово в иных измерениях, Сорген высыпал на ладонь несколько сухих ос и растер их пальцами в порошок. Дикарь по приказу хозяина быстро промчался вдоль окаменевшей колонны отряда; Сорген развеял в воздухе порошок и пробормотал слова заклинания. Оно должно было дать его воинам силы бороться со страхом и сделать их смелыми вплоть до безрассудства.

– Как эти осы, жалающие всех без разбора и сомнения, будьте сильны духом! Пусть видения, одолевающие разум, покажутся смешными и глупыми! Пусть прочь уйдет боязнь и вернется боевая ярость!

Добравшись до головы колонны, Сорген повернулся и громовым возгласом: "Хоранес!" снял каменное заклятие. Вопли ужаса, что готовы были слететь с губ солдат до их зачарования, наполнили ночь; однако, все они немедленно сменились совершенно другими криками. Наемники дружно принялись посылать тьме проклятия и грозить кулаками невидимым демонам. Один из воинов, широкоплечий нарданианец Озуга, славившийся своей тупостью и храбростью, выхватил меч, спрыгнул с седла и ринулся к лесу, крича, что демонам лучше побыстрее утопиться в море, ибо он намеревается убивать их всех медленно и мучительно. Соргену пришлось обездвигить Озугу еще раз, потому как рубакой он был отменным и лишаться его не хотелось.

Собрав отряд в плотную группу, колдун выжег в джунглях большую плешь, на которой они развели десяток костров. Коней привязали к вбитым на самой середине плещи кольям и стреножили – почти на всех животных, за исключением разве что Дикаря и Красавчика, проклятье тоже действовало. Тем не менее, кони вели себя буйно и порывались сбежать; в конце концов Соргену пришлось усыпить их. Затем всю ночь он просидел у костров, не смыкая глаз и готовясь к бою. Хруст ветвей, рев чудовищ и мелькание на границе света и тени зловещих силуэтов не прекращались до самого рассвета. Усталый колдун прилег прямо на землю; магия его постепенно рассеивалась – но опасности больше не было. Хак и Лимбул заботливо переложили хозяина на одеяло и закрыли сверху еще одним.

Следующий день они провели в быстром марше без остановок. Солдаты молча жались друг к другу, лошади испуганно храпели на каждом шагу. Задолго до нового заката дорога привела отряд в разрушенный город – по-видимому, в саму Мирзазе. Деревья словно бы опасались вторгаться на его территорию; они обступали скопище руин плотным кольцом, внутрь которого смогли проникнуть лишь несколько хилых стволов. Камень, слагавший стены здешних домов, когда-то был белым – теперь он посерел и искрошился. Плотный бурый лишайник покрывал останки зданий, превращая их в застывших чудищ, ожидающих жертву. Все малейшие выступы и трещины густо поросли мелкой сорной травой, по полуобвалившимся колоннам скользили плети лиан с мелкими, дурно пахнущими цветами белого цвета.

Время стерло различия между домами богачей и бедняков, оставив от большинства из них одни лишь кучи камней. Площади превратились в холмы с травянистыми склонами. На многих из них, ближе к низеньким вершинам торчали верхние части скульптур, по большей части потерявших всякие формы. Улицы стали неглубокими ущельями с каменистыми склонами и неровным дном; нигде не было ни единого следа живых существ. Молчали птицы, не сновали вездесущие обезьянки и летучие белки... Руины, буйная трава, высокое небо зловещей безжизненной синевы и палящее солнце, клонящееся к горизонту.

Едва очутившись в черте города, Сорген почувствовал, как больно сжимается сердце.

– Какое зловещее запустение! – пробормотал он, ничуть не заботясь, что голос дрожит. – Сам воздух пропитан ядом, вызывающим упадок духа и сил. Понятно, отчего люди не смогли здесь жить: очевидно, никто не мог пробыть здесь дольше пары дней и не потерять рассудок. Мне это кое-что напоминает...

– Что? – прошептал Лимбул еле слышно.

– Мой родной замок, дружок. Там тоже гулял ветер, а стены заросли травой и лишаями.

– Из нашего дома тоже все ушли, – вдруг сказал Хак и тихонько хлюпнул носом.

– Да, – Сорген невесело улыбнулся и добавил: – Хак – мой духовный брат. Он меня понимает, как никто другой. Я люблю его.

Руины города тянулись бесконечно. Очевидно, в момент своего расцвета Мирзазе была крупнейшим городом Приморья – и оставалось только догадываться, что за силы и по какой причине превратили ее в пустыню. Пробираясь по извилистым улочкам, отряд выбился из сил очень быстро. Даже Сорген был уверен, что вскоре свалится вниз и разобьет себе голову об очередную камень... Поэтому, оказавшись на большой «поляне», отороченной похожими на гнилые зубы развалинами, волшебник велел разбивать лагерь. У солдат не было сил на спор: они боялись оставаться в проклятом городе и не могли продолжать путь. Как попало они повалились прямо в траву; даже кони легли и беспомощно вытянули шеи вдоль земли. Соргена это пугало. Слишком похоже на то, что никто не встанет после этого привала... Однако, ему не хотелось шевелить и пальцем, чтобы принять какие-то меры. Упав на колени, он смог только оглядеться. Вокруг не было ничего примечательного.

– Наверное, это не главная их площадь? – пробормотал он голосом засыпающего человека.

– Почему? – так же сонно спросил Лимбул.

– Здесь не видно ничего, поражающего воображение, как это принято в Приморье. Для такого большого города подошло бы нечто вроде десятисаженной статуи Наодима, изливающего из себя их ненаглядное Море.

– Я слышал, что тутошней достопримечательностью был зверинец, – прохрипел Гримал, уже валявшийся на земле и смеживший веки. – Там держали самых жутких хищников, каких только могли найти. Им в клетки бросали преступников.

– Пошлые забавы, – скривился Сорген и тоже свалился на спину. В этот момент он почувствовал облегчение и сильное желание заснуть. Он пытался бороться с этим позывом, но так и не смог... Веки смежились, и Сорген провалился в черную ночь, наполненную огнями.

Он видел себя идущим по узким улочкам города. В небе сияли яркие звезды и Луна; где-то вверху свистел ветер, однако между высоких стен он проникнуть не мог. Сорген шел быстрым шагом, словно точно знал, куда направляется. Он вдруг подумал, что повторяет путь, который только что преодолел на коне... Значит, он попал в Мирзазе – такую, какой она была в незапамятные времена, во время своего расцвета? Впереди мелькали огни и слышались крики и рычание зверей. Сорген повернул за очередной угол и внезапно очутился на широкой площади, совершенно пустой, если не считать каменный помост в самой ее середине. На помосте стоял, раскинув руки по сторонам, человек в серой просторной хламиде, с совершенно лысой

головой и глазами, горящими ярким красным светом. Казалось, голова его дымится, посылая багровые клубы к черному небосводу, а из-под пол одежд стелется холодный серый туман.

– Зачахни и завянь, порок, поразивший людской род. Прервитесь, прелюбодеяния! Застынь, рука отравителя! Подавись ложной клятвой, доносчик! Опустись, топор палача! Я отдаю свою жизнь, чтобы прервать процветание несправедного племени. Отныне каждый, кто окажется в пределах зловонного города Мирзазе, падет наземь, сраженный сном! Дикие звери, лишенные свободы, выйдут из клеток и пожрут беспомощные тела! Так будет! Так будет до тех пор, пока не придет праведник, который сможет побороть сон и останется при памяти! Тогда грехи Мирзазе будут искуплены и мое проклятие потеряет силу!! – выкрикнув последнюю фразу, человек в хламиде взмахнул обеими руками, будто подбрасывая что-то вверх. Его безумный взгляд вспыхнул костром и пролился вниз жидким пламенем. В одно мгновение вся фигура оказалась объята огнем, который сожрал человека целиком. Остался только серый пепел, который закрутился в вихре, серебристом в свете звезд и луны. Потом облако взлетело в небо и распалось, опускаясь на обреченный город...

Сорген проснулся, когда последние красные лучи солнца цеплялись за обломанную кромку стены, стоявшей с запада от площади. Вокруг него вповалку лежали тела – но судя по громогласному храпу, все до единого солдаты спали сладким сном. Только одна фигура застыла на вершине холма, печально глядя на покидающее мир светило: Луратен неотрывно смотрел туда, где остался его неблагодарный хозяин.

Сорген сел и, прислушавшись к себе, понял, что былая усталость канула без следа. Он был готов продолжать путь, но надвигающаяся ночь – не лучшее время для путешествий по заваленным обломками камней узким останкам улочек. Подумав, колдун решил, что лучшим выходом будет переночевать здесь, в городе. Быстро поднявшись на ноги, он заставил проснуться остальных и стал раздавать приказания. Солдаты казались отдохнувшими и осмелевшими. В конце концов, они уже победили добрую половину проклятий, которыми наделяют эти края, так чего же бояться? Излазив развалины, солдаты набрали достаточно сухостоя, чтобы зажечь несколько костров. На ужин пришлось довольствоваться лишь кашей и сухими печеньями, воды тоже было мало – потому что все боялись пить из местных водоемов – однако, никто не жаловался. Некоторые солдаты стали настолько благодушны, что завели веселые песни, как всегда о вине и девках. Луратен, нахмурившись, покинул общество. В сумерках Сорген смог разглядеть, что пордус забрался на самую высокую из западных развалин и сел на край стены, согнувшись в три погибели и опустив голову.

Сотворив простые чары, долженствующие защищать лагерь от проникновения зверей и людей, молодой волшебник прошелся по периметру площади. В поглощающих умерший город сумерках по-прежнему не слышалось ни звука, кроме гудения ветра в развалинах. На восточном краю неба одна за другой загорались звезды, тусклые и мелкие. Солдаты громко и весело переговаривались у костров: большинство разговоров касалось потусторонних сил и геройского поведения рассказчиков перед их лицом.

Внезапно, по запущенным улицам города поползли клочья призрачного тумана. Предательские сумерки скрывали его до самого последнего момента. Ветер, тянувший с недалекого моря, крепчал, заставляя невидимые деревья гудеть и скрипеть древними стволами. Потом, совершенно неожиданно, направление ветра сменилось на противоположное, и струи тумана были развеяны, разбиты, как потерпевшая поражение армия. Последние отблески солнца пропали над молчаливыми руинами, отдав их во владение молочному сиянию луны. Ее четвертушка встала над горизонтом, в бесконечном пути вослед дневному красавцу. Звезды дрожали и перемигивались, словно издеваясь над тем, кто решил поглядеть на них. Мы, дескать, знаем одну тайну, но тебе ни за что ее не раскроем!

Должно быть, проклятье теряло силу? Сорген задумался над тем, что видел во сне... Быть может, это был не сон, а видение, о каких любят рассказывать люди, которые верят в способно-

сти разума предвидеть будущее и узнавать прошлое? Если так, то выходило, будто лишенный сна пордус только что спас весь отряд от незавидной участи – провалиться на склонах этого холмика вечность в ожидании давно сдохших хищников, которые должны были пожрать их неподвижные тела.

Впрочем, Сорген предпочитал не ломать голову над неразрешимыми и малозначительными загадками. Главное, что они живы и полны сил, а Луратену все равно нет дела до их благодарностей. Он не ест, не пьет, не спит – только вздыхает, томно и печально. Наверное, ему это даже нравится... Какая разница!

Наемники, как бы хорошо они себя ни чувствовали, с наступлением ночи поспешили сгрудиться вокруг вождя, надеясь в случае чего оказаться под его «крылышком». Все костры, кроме одного, самого большого, вскоре погасли, однако почти никто не спал. Наверное, наемники как следует выспались вечером, а теперь не могли сомкнуть глаз. Сорген и сам не желал засыпать. Лимбул, сидевший по правую руку от него, задумчиво поводил пальцами по струнам небольшого музыкального инструмента, похожего на гусли.

– Спой что-нибудь подходящее, – попросил его Гримал. – Грустное, или даже печальное! Среди развалин другого не хочется.

– А кто недавно пел о "Грудастой кабацкой дуре"? – глухо спросил из темноты кто-то.

– Так тогда еще небо светлое было, – возразил капитан. – Сейчас я что-то затосковал...

Дом родной вспомнил.

– Подождите! – негромко воскликнул Лимбул. – Я вдруг припомнил, что слышал песню про Мирзазе! Не мешайте мне, и я, может быть, смогу спеть несколько строф...

Совсем еще зеленым юнцом Лимбул сбежал из своей деревни, увязавшись за бродячим певцом, который ходил по всему побережью. Несколько лет они путешествовали вдвоем, и за это время мальчишка научился хорошо брэнчать на эмоате, выучил пару сотен песен и столько же легенд. Потом его учитель, полезши купаться в сильном подпитии, утонул – но почти сразу юный бродяжка повстречал, на свое счастье, Соргена и его отряд. Сначала его взяли, чтобы послушать песни, а через некоторое время мальчишка обнаружил в себе тягу к магии. Теперь он все реже и реже вспоминал о прошлом своем занятии, да и солдаты стали побаиваться его, считая уже третьим по значимости человеком в отряде после Соргена и Гримала. Такого запросто не попросишь побрэнчать и попеть...

Однако сейчас Лимбул, похоже, и сам был заражен охватившей всех тоской. Извлекая из эмоата тихие звенящие аккорды, он запел красивым, мягким и немного хриплым голосом:

– Как этот город, отданный земле и ветру,

На каменных останках сию я неподвижно.

Изношенная оболочка – это тело, покинутое жизнью.

Ужасной мукой стали для меня воспоминания о былом...

Когда бы жизнь я мог вернуть назад,

Тогда бы не было развалин и меня, поющего в тоске.

Песня была подстать здешним местам – заунывная, тихая, с рваным ритмом.

– Подходяще под настроение, которое создает этот брошенный город! – похвалил певца Сорген, когда тот закончил.

– Да уж! Здесь ее легко спеть так, чтобы у людей слезы навернулись на глаза, – согласился Лимбул. – Совсем не то, что в каком-нибудь кабаке, где веселая пьянь тискает девок.

Сорген кивнул.

– Может, тебе стоит остаться певцом и не связываться с магией? Такой талант пропадет...

– Ну нет! – словно испугавшись, Лимбул отбросил эмоат и поднял перед собой руки в защитном жесте. – Стоило мне увидеть тебя, Мастер – и я сразу понял, что хочу стать таким же! А петь при этом песни мне никто не запрещает, ведь правда? Бродить по Приморью и распевать слашавые любовные трели, бездарные хвалебные оды князьям и непристойные куплеты...

Разве в этом счастье певца? К тому же, сочинитель из меня дрянной. Сколько ни пытался, ничего стоящего не выходило.

– Может быть, тебя просто не посещало вдохновение?

– Не знаю...

– Спой еще что-нибудь! – попросили солдаты. Из трех десятков человек, собравшихся у костра, половина спали, но остальные продолжали сидеть. Языки огня выхватывали из тьмы лица, изборожденные страшными черными морщинами и руки; остальное терялось в ночи. Поленья потрескивали, бросая в воздух красные искры и те по спирали забирались вверх, как танцующие мотыльки. Раздались осторожные шаги: к костру приблизилась человеческая тень. Гримал порывисто ухватил рукоять меча – но Сорген был спокоен. Похожий на бледного призрака Луратен опустился на землю за его спиной... Капитан наемников снова расслабился, бросив при этом на пордуса неодобрительный взгляд. Сорген обернулся: Луратен сидел с выпрямленной спиной, с закрытыми глазами и больше всего походил на случайно уцелевшую статую.

Тем временем Лимбул наотрез отказался петь что-либо еще, ссылаясь на перехватившую горло сухость. Недовольные солдаты, к которым никак не шел сон, стали ворчать, пока старый Берик Седал Дирой не сказал, что он слышал историю о том, как погибла Мирзазе. Тогда внимание всех, включая Соргена, переключилось на него.

– Лет около пятисот назад здесь лежала самая богатая в Приморье страна, – начал старик-воин, нахмутив косматые брови. Лицо его при этом стало походить на восставшего мертвеца с глубокими провалами вместо глаз, только из темных дыр сверкали отблески костра. – Множество деревень, где растили рис, чечевицу и виноград, обширные луга с тучными стадами, пространные фруктовые сады. В городках-крепостях жили мелкие правители, служившие Великому Королю, дворец которого блистал роскошью в самом центре Мирзазе.

По дороге, той самой, что привела нас сюда сквозь джунгли, с востока на запад непрерывно ехали купцы и простые путешественники. Тогда эта заросшая травой и перегороженная ветвями тропа была широким трактом... Но вот, однажды, умер старый мудрый король, просидевший на троне долгие годы. На престол взошел его младший сын, ибо долгие годы у правителя рождались дочери, а сын был только один – поздний, избалованный родителями и сестрами ребенок. Это был буйный юноша, привыкший получать все, что ни пожелает, жестокий и влюбленный в себя. Как говорит легенда, звали его Раздлага...

– Я слышал это имя! – воскликнул один из слушателей, молодой наемник Фирчи. Он был так поглощен рассказом, что не заметил осуждающих взглядов других слушателей. – В Сурахии и еще кое-где так называют злого демона! Там даже ругаются так: Раздлага тебя побери...

– Мы все это знаем, дубина! – прошипел сосед Фирчи и отвесил ему подзатыльник. – Не мешай слушать своими дурацкими выкриками.

Берик спокойно дождался конца перепалки. За это время он успел достать флягу и сделать маленький глоток из нее. Потом, словно ни в чем ни бывало, продолжил рассказ:

– Первым делом Раздлага пронесся, будто опустошительный вихрь, по всем своим владениям, забирая молодых и крепких крестьян в армию. Он растратил большую часть казны на вооружение и обучение солдат. Во главе десяти тысяч человек он отправился в Северные степи и дошел до самых гор, уничтожая всех встреченных на пути кочевников. Говорят, он был невероятно жесток: сам разрубал мечом младенцев, насиловал женщин и мучительно умерщвлял мужчин. Все его войско быстро превратилось в толпу бессердечных головорезов. Вчерашние увальни-крестьяне, отведав крови и вседозволенности, будто бы сходили с ума и превращались в зверей.

Вдоволь пролив крови, Раздлага вернулся в Мирзазе. В своем кровавом походе он не нажил добра и страна его пришла в упадок: лишенные рабочих рук деревни вырастили недостаточный урожай, дороги стояли в колдобинах после летних дождей. Молодой король недолго думал о том, как поправить дела, ведь рядом было столько богатств! Среди соседей Раздлага

прослыл чуть ли не благодетелем, потому как кочевники, от которых он избавил степь, иной раз досаждали Приморью своими набегами.

В тайне от всех король Мирзазе на последние деньги построил в Нардане десяток быстросходных, вооруженных катапультами кораблей. Солдаты его превратились в матросов, с которыми Раздлага отправился пиратствовать по морю Наодима. Он грабил всех без разбора и никого не оставлял в живых, и так много стало пропадать кораблей, что люди почти прекратили плавать на них! Говорили, что само море стало красным от крови несчастных жертв зловещего пирата. До поры, до времени никто не знал, что за проклятие пало на их края; кто-то считал, что жителей Приморья за грехи карает Наодим, другие сваливали все на снова появившихся морских демонов, третьи – на вызванных волшебниками чудовищ. Однако, потом одному путешественнику удалось спастись после нападения пиратов. Случилось так же, что этот купец раньше проезжал через Мирзазе и знал в лицо тамошнего правителя. На корабле король-пират самолично ударил купца кинжалом по голове, но лезвие только скользнуло по черепу, снеся ухо и пролив множество крови. Потом спасшийся долго плавал, уцепившись за бочку, пока его не подобрал военный корабль из Вейдзала.

Когда люди узнали правду, страх охватил все страны, от одного побережья до другого. Вдруг оказалось, что на всем море нет другого такого флота, что мог бы противостоять ярости и злобе Раздлаги. Больше того, и правители, и их подданные поняли, что скоро король Мирзазе, переставший встречать корабли в море, пойдет на них войной по суше... Сурахия, Вейдзал и Нардан спешно заключили военный союз и стали строить флот, обучать дополнительных солдат. Ужас объял Приморье, однако, история короля-пирата закончилась не в кровопролитной войне.

Возмездие настигло его раньше. Однажды, у берегов острова Зилам, Раздлага настиг богатый корабль, один из последних, посмевших выйти в море. Как всегда, молодой негодяй принялся за незаконный грабеж и убийства. Увидев в одной из кают уродливую толстую бабу, увешанную драгоценностями, он вырвал из ее рук грудного младенца.

– Остановись! – завопила толстуха. – Ибо я – хранительница алтаря Демона Ветров с этого острова и мое колдовство охраняет рыбаков и мореплавателей всего побережья! Я стара и только мой потомок может стать моим преемником; лишь колдовством и деньгами я смогла заставить нужного мужчину возлечь со мной и с трудом родила. Дитя – единственное мое богатство и величайшее достояние. Бери, что хочешь, но его оставь!

Со смехом Раздлага воткнул в грудь колдуньи длинный кинжал. На глазах истекающей кровью женщины он выбросил дитя в море. Вот только кинжал короля-пирата был все же слишком короток для необъятной груди ведьмы: у нее хватило сил воспользоваться своими амулетами и послать проклятье. Все последние силы и собственную смерть она вложила в жуткие чары, обрушившиеся на голову Раздлаги.

Сначала молодой король не придал этому значения и спокойно отправился дальше, бороздить море в поисках новых жертв. Тем же вечером внезапный шторм набросился на его отряд, и четыре корабля потонули вместе со всеми экипажами. Еще два в утреннем тумане сели на мель у Дольнийских островов и с форта Горгос катапульты забросали их горящими снарядами.

Так флот Раздлаги был разбит еще до встречи с противником. У него осталось еще четыре корабля и довольно солдат, но он стал бояться, так как наконец осознал, сколь велика сила проклятия. Он заперся во дворце, предаваясь разврату и пьянству, посылая солдат грабить собственные деревни и города. Войско его превратилось в скопище развращенных, жестоких и ненасытных чудовищ. Из набегов солдаты привозили сокровища, наложниц и рабов; все их время проходило в пирах и оргиях, ненадолго прерываемых очередным походом на незащищенные города и деревни.

За год они опустошили страну. Раздлага постарел на десять лет, превратившись в жирного, брюзгливого тирана, медленно сходящего с ума от страха и осознания собственной обреченности. После летних дождей пришло возмездие: с Севера в Мирзазе вторглись уцелевшие племена кочевников, с востока пришли соединенные армии Вейдзала и Сурахии. Флот союзных княжеств приблизился к побережью Мирзазе и внезапным ударом уничтожил оставшиеся у короля-пирата корабли.

Почти все крестьяне к тому времени уже сбежали в соседние страны, оставив покинутые поселения и неухоженные угодья. Вражеские армии быстро продвигались к столице, но никто не выходил сражаться с ними. Опасаясь подвоха, полководцы противника остановили войско на некотором расстоянии от города. В Мирзазе двинулись разведчики – но они скоро вернулись, поседевшие от ужаса. Город был опустошен неизвестной силой: по улицам бродили дикие звери, пожирившие бездыханные тела жителей. Ночью загрела гроза необычайной силы, обрушившаяся прямо на Мирзазе; редкие смельчаки, ставшие свидетелями стихии, рассказывали, что ветер и молнии били в дома, разрушая их до основания. Затем землю укрыла непроглядная мгла, не пропускавшая ни единого звездного или лунного луча. Стоявшие лагерем войска охватил необъяснимый страх: испытанные солдаты плакали, как дети, бросали оружие и пускались наутек, не разбирая дороги и не оглядываясь. Из глубин леса выходили ужасные чудовища, бросавшиеся на людей и раздиравшие их на части – и так продолжалось до самых границ Мирзазе. Мало кто смог спастись, однако они как следует напугали своими рассказами живущих рядом людей. Окрестные земли были брошены и объявлены проклятыми.

Долгие годы никто не подходил близко к границам Мирзазе, так что на неделю пути от города простирались непроходимые джунгли. Только потом люди стали понемногу подбираться обратно; память понемногу перестала хранить повести об ужасе и чудовищах. Сейчас этих мест боятся только по привычке и на самом деле "проклятые места" – всего лишь небольшой клочок леса вокруг города, по сравнению с тем, что было раньше. И вся эта поучительная история забывается, как страшный, но не сбывшийся сон...

Берик повел плечами и привстал, разминая затекшие от долгого сидения в одной позе ноги. Его слушатели тоже зашевелились; раздались несколько смешков, когда было обнаружена парочка "особо внимательных", спящих с открытыми ртами и сосредоточенными лицами.

– А та песня, которую я пел... – пробормотал Лимбул. – Ведь ее, насколько я знаю, приписывают устам самого Раздлага.

– Я слышал еще кое-что, – многозначительно сказал Берик, вздев вверх кривой палец, привыкший охватывать рукоять меча. Завозившиеся было, наемники опять затихли и обратились в слух. – Якобы, лет через сто несколько смельчаков, молодых магов из какой-то далекой западной страны смогли проехать Мирзазе от Рха-Уданы до Сурахии. Много чудовищ и странных явлений видели они – хотя подробностей об этом история не сохранила, однако самым загадочным был седой и согбенный старик, которого путешественники встретили на берегу моря. Стоя на коленях у самой кромки прибоя, этот таинственный старец непрестанно выл, обращая лицо на юго-восток, как раз к острову Зилам... Хотите верьте, хотите нет – а по мне, так это и был сам Раздлага, которому суждены были вечные мучения. Возможно, кто-то из тех магов, впечатленных произошедшим, и сочинил ту песню.

– И кто знает, как все было на самом деле? – негромко сказал Сорген. Кажется, остальные не были с ним согласны. Кое-кто даже позволил себе отвернуться и пробормотать что-то вроде возражения – хотя спорить в открытую никто не стал. Берик покачал головой.

– Настоящие проклятия оставляют настоящие следы, хозяин. Может быть, мой рассказ и не в точности повторяет произошедшие тогда события, однако, правды в нем больше, чем вымысла.

– Да будет так! – примирительно возгласил Сорген. – Теперь же нам пора и поспать. Несмотря на то, что древнее проклятие в этом городе, похоже, выдохлось, охрана нам не мешает. Гримал, выстави часовых, из тех, кого не слишком испугал призрак короля Раздлага.

Несколько горячих молодцов сами вызвались идти в караул, но капитан, взглядевшись им в глаза при последних отсветах костра, велел спать. В караул отправился он сам и Берик, ничуть этому не возражавший. Луратен поднялся на ноги и снова исчез в ночи. Впрочем, ему спать не надо было.

Сорген тоже лег, а невозмутимый Хак заботливо укрыл его одеялом. Еще некоторое время колдун ворочался, думая о том, сколько же на самом деле правды было в рассказанной Бериком легенде. Кто знает, какие истории станут рассказывать о них самих через полтысячи лет? Или же он слишком льстит себе, а на самом деле память о колдуне по имени Сорген исчезнет лет через сто, если не раньше... Едва ли не впервые он задумался о смерти и ощутил предательскую пустоту в груди. Душевная боль – или вернувшееся ощущение отсутствия чего бы то ни было на месте пресловутой души? Само собой, тут же вспомнился бледный Призрак и его ужасные пророчества. Ледяная волна тоски проникла под одеяла и затопила разум Соргена. Рывком поднявшись, он бросился прямо в развалины. Меч, пояс, все его волшебные приспособления остались у костра.

Несколько раз споткнувшись, потому что глаза видели перед собой только плачущее лицо Призрака, колдун достиг низкой длинной стены с обкрошившейся верхней кромкой. Замешкавшись, Сорген перебрался через нее и едва не упал: прямо под ногами вниз сбегал крутой обрыв, ведущий к берегу реки, едва заметной в ночи бледно-серебристой полосе. Под ногами осталась только узкая кромка глинистой земли, кое-как скрепленной редкими и тоненькими корнями трав. При малейшем движении к воде устремлялась крошечная осыпь, звучащая в ночи, как вкрадчивый шепот. Внизу, на тоненькой полосе песка, лежали здоровенные глыбы камня с острыми краями, когда-то вывороченные из мощных стен. Сейчас они погрузились в песок и ушли в воду, но еще достаточно опасно торчали вверх выступы и углы. Стоит туда свалиться – костей не соберешь... Тяжело дышащий, Сорген в страхе прижался седалищем к стеночке и вцепился в нее руками.

Он едва не упал! Вот к чему приводят дурацкие метания, порожденные видениями. Может, это все же чья-то злая воля, стремящаяся погубить Соргена во что бы то ни стало? Но кому он мог помешать? Кому, столь сильному в магии, что он спокойно может одурачить колдуна, по праву считающегося одним из лучших в Приморье? Или же... секрет удачи в том, что надо знать, куда ударить? Чепуха. Он никогда и никому не рассказывал о видении, посетившем его много лет назад в далекой Стране Без Солнца.

Чуть успокоившись, Сорген постарался взглянуть на себя со стороны: взлохмаченный, бледный, с перекошенным в страхе лицом... Тьфу! Мальчишка, да и только. Видели бы его сейчас князья, трясущиеся за свои престолы, или горожане, пугающие его именем своих малых детей. Струхнувший и побежавший, куда глаза глядят, юнец, доведенный до паники собственными сомнениями и дурацкими воспоминаниями. Потерянная душа! Разве это не смешно? Словно бы персонаж какой-нибудь поучительной сказки Белых мудрецов. Продал душу трем зловещим черным демонам, и теперь мается...

Вытерев лицо ладонью, Сорген поморщился. К коже прилипла каменная крошка, которая оцарапала щеку. Боль вернула ему присутствие духа и способность размышлять совершенно здраво. Ладно, можно списать эту недолгую слабость на плохое влияние здешнего воздуха, к примеру. Исчезло проклятие, или нет – Мирзазе все равно не лучшее место для философских размышлений о душе и смерти. Как ни крути, додумаешься обязательно до чего-нибудь нехорошего.

Сорген глубоко вздохнул и огляделся полностью осмысленным и прояснившимся взором. Теперь он видел гораздо лучше: широкую полосу реки, покрытую серебристой рябью,

непонятные темные тени, протянувшиеся над водой на юге. Наверное, это остатки пристани – а может, рухнувшая башня? В реке плескалось какое-то крупное тело, но ничего заметить Сорген не смог. Скорее всего, загадочное существо резвилось слишком далеко, просто звуки над водой разносились далеко и четко. Как ни всматривайся, не увидишь – да и к чему? Просто немного странно, ведь луна светит так ярко...

Сорген замер, пораженный внезапной догадкой. На небе нет яркой луны – всего лишь жалкая четверть! Он медленно повернул голову и увидел справа от себя сидевший на стене Призрак, прозрачное тело которого излучало приглушенный, мягкий свет.

От неожиданности Сорген едва не разжал пальцы и не рухнул вниз, прямо на ждущие каменные клыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.